

КОЛЬСКИЙ ПАТЕРИК. КНИГА IV

ИГУМЕН МИТРОФАН (БАДАНИН)

**КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ
И КОЛЬСКИЙ СЕВЕР
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИТИЯ**

Издательство «Ладан»
Санкт-Петербург – Мурманск
2013

Князь Александр Невский и Кольский Север. Неизвестные страницы жития. Игумен Митрофан (Баданин). – Санкт Петербург – Мурманск: Изд. Ладан, 2013. – 72 с.: ил. – (Кольский патерик: Книга IV).

ISBN

Серия книг под названием «Кольский патерик» посвящена жизнеописаниям как прославленных Церковью святых земли Кольской, так и иных подвижников веры и благочестия, достойных патриотов Русского Севера, своей жизнью и смертью исповадавших евангельские истины.

В четвертой книге серии рассказывается о славных деяниях святого благоверного великого князя Александра Ярославича Невского, которые определили судьбу земель Великой Лапландии и дальнейшую историю освоения Кольского Севера.

Основываясь на неизвестных и малоизвестных исторических документах, автор восстанавливает утраченные страницы жития князя Александра и его непосредственную роль в прирастании территории России богатейшими землями Крайнего Севера Европы.

ISBN

© Игумен Митрофан (Баданин), 2013

Российская историческая наука и Кольский Север

История Кольского Севера России так до сих пор и не обрела своего достойного места в российской исторической науке. К тому моменту, когда российская история стала обретать конкретные научные очертания, Крайний Север Руси уже утратил свою былую привлекательность и необычайную значимость для Российской державы.

Как известно, первоначальные контуры российской исторической науки определяются с начала XVIII века. Однако к тому времени для Петра Великого Русский Север уже представлялся лишь промежуточной ступенькой в достижении главной цели его жизни – необходимости «прорубить окно в Европу». Потому и векторы действия и изучения истории страны во многом, и закономерно, сосредотачивались на Европейском, Балтийском направлении.

Дальнейшее сложение исторических знаний в науку, основание в 1725 году Академии наук, появление первых крупных научных исследований по-прежнему не влекло за собой сколько-либо заметного интереса к Северу. Крайний Север и, особенно, Кольская его часть постепенно превращались в некий «медвежий угол» российской истории. Одним из закономерных и печальных итогов этого равнодушия явилась бездарная потеря части российской территории в ходе демаркации границ с Норвегией в 1826 году.

Новое осознание государственной мыслью стратегической роли Европейской части русского Крайнего Севера произошло лишь во второй половине XIX века. Реальные и решительные шаги в этом направлении были

Святой благоверный
князь Александр Невский
(13 мая 1220 – 14 ноября 1263).

предприняты царем-страстотерпцем Николаем II в результате анализа ситуации, сложившейся в ходе Первой мировой войны, когда получение союзнической помощи оказалось крайне затруднительным, а наиболее мощный в стране Балтийский флот решал, хоть и успешно, лишь сугубо локальные задачи. Волевым усилием императора в последний год его правления была построена долгожданная Мурманская железная дорога и заложен северный город-порт Романов-на-Мурмане.

Ренессанс государственного интереса к Кольскому краю во второй половине XIX – начале XX веков повлек за собой и всплеск подлинного исследовательского интереса к истории Кольского Севера. Впервые на территории Великой Лапландии плодотворно сотрудничали церковные и светские историки. Их вдохновенное соработничество на ниве постижения богатого исторического наследия этого края дало первые реальные плоды¹.

В советское время идея всестороннего освоения и развития края, строительства на Кольском Севере самого мощного океанского флота России, способного решать стратегические задачи, получила масштабное воплощение². Но, при энергичном промышленном и военном освоении края, древняя история Кольского Севера для советской науки особого интереса не

¹ Мы вспоминаем подвижников Лапландии протоиереев Георгия Терентиева, Константина Щеколдина, Михаила Истомина, архимандрита Никодима (Кононова), ученых-исследователей Н. Н. Харузина, А. М. Филиппова, Н. Ф. Королькова, Е. К. Огородникова, Д. Н. Островского, В. Ю. Визе и других.

² Эту идею императора Николая Александровича впоследствии полноценно сформулирует И. Сталин, пребывая в г. Александровске (Полярном) и осматривая Екатерининскую гавань: «Что такое Черное море? Лоханка. Что такое Балтийское море? Бутылка, а пробка не у нас. Вот здесь, на Севере, – море, и здесь “окно”!».

представляла. Сразу после революции церковные историки были исключены из научной жизни. Справедливости ради надо сказать, что ученые советского периода пытались возобновить начатую ими работу¹.

Идеологическое давление и политические репрессии, шедшие в советское время одновременно с исключением церковной и духовной составляющих из истории Кольского края, закономерно привели к стагнации исследовательской мысли, к профанации истории как науки. Отныне история человечества должна была являть собой лишь «историю борьбы классов»², а поскольку у бедных саамов и государства-то никакого не было, то изучение истории древнего Кольского края советскому ученому никаких «дивидендов» не сулило. Кроме того, очевидная даже при поверхностном взгляде решающая роль Церкви и церковных подвижников в освоении и просвещении этого края делала работу и вовсе бесперспективной для советского историка.

Поэтому в исторической науке закрепилось сложившееся еще со времен Петра Первого представление о том, что славные деяния замечательного русского святого, благоверного князя Александра Невского были ограничены лишь Средней полосой России. Имя его стало прочно связываться лишь с Невой, Чудским озером и Псковско-Новгородскими коллизиями и смутами. И небесное покровительство святого князя с тех времен (согласно по-

Перенесение Петром Первым
мощей св. князя Александра
Невского в Санкт-Петербург.
Художник Ф. Москвитин,
2000 г.

¹ В 1926 году на Мурмане было организовано общество краеведов, одним из организаторов которого и активным исследователем стал В. К. Алымов. В 1937 году, в соответствии с материалами «дела Алымова и К°», он и еще пятнадцать человек были расстреляны. По этому делу «прошел» и замечательный русский этнограф и знаток нашего края В. В. Чарнолуский.

² Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2-е изд., М. Т. 28. С. 424.

вестованиям историков) полноценно простиралось лишь над новой столицей – великим градом на Неве. Да и в дальнейшем, в советское время, как мы упомянули выше, о развитии северной «главы» русской церковной истории говорить не приходилось¹. Нам следует особо подчеркнуть, что государственный ум князя Александра Ярославича, охватывая огромные российские земли, позволял ставить и решать задачи масштабные и значимые.

В своем исследовании мы коснемся лишь одного «северного» эпизода деятельности князя, ныне практически полностью утраченного в истории и потому вовсе не упомянутого в Житии святого.

Итак, Новгородский князь Александр Невский и Кольский Север.

Новгородская республика и Крайний Север

Великий Новгород (норв. *Hólmgarðr* – Хольмгард), один из древнейших и именитых средневековых городов на севере Руси, известен как место призвания летописного Рюрика (862 г.) и зарождения российской государственности и впервые упоминается в Никоновской летописи под 859 годом¹.

Иконописное изображение древнего Новгорода («Знаменское»).

В первое время своего существования Новгород по сравнению с южными русскими княжествами не представлял собой привлекательного и «достойного» места княжения. Так, например, в IX веке князь Владимир, сын князя Святослава и рабыни Малуши (ключницы княгини Ольги), имел весьма слабые шансы на княжескую власть. Тем не менее, малолетний бастард² был отправлен княжить; правда, в далекий Новгород – туда, куда никто из «законных» сыновей Святослава ехать не хотел.

Однако именно с окраинным Новгородским княжеством связано начало реального доминирования Руси на крайнем севере Европы. Освоение территорий Кольского полуострова и прилегающего к нему Финмарка напрямую связано с Новгородской Русью и, особенно, с расцветом Новгородской республики (1136–1478).

¹ В. Л. Янин, М. Х. Алешковский. Происхождение Новгорода // «История СССР», № 2, М. – Л., 1971. С. 32; ПСРА, т. IX. СПб., 1862. С. 8.

² Бастарды – в Западной Европе в Средние века – внебрачные дети владетельной особы (короля, герцога и т. д.). На Руси в Средние века внебрачные дети назывались байстрюками. В дореволюционной России также употреблялось понятие «незаконнорожденный».

¹ Говоря об этом, мы не забываем труды профессора И. Ф. Ушакова (1921–2002), сумевшего в условиях жесткого идеологического диктата заложить основы и обозначить магистральные направления изучения истории Кольского Севера.

Новгородская республика.
Господин Великий Новгород
на реке Волхов.

К этому времени в полной мере раскрылась уникальность российских северных земель и стали очевидными преимущества географического положения Новгорода (то есть Новгородского государства и его колоний). Эти преимущества состояли прежде всего в широкой сети водных артерий, владение которыми позволяло Новгороду широко простираť свое влияние. Реки северной Руси открывали новгородцам возможность продвигать свои интересы далеко на Крайний Север: на северо-восток по реке Сухоне, на север по рекам Волхову, Онеге и Северной Двине с их многочисленными притоками, из которых крупнейшими являлись Вага и Юг.

«В условиях лесистой, болотистой, бездорожной, непроходимой и непроезжей для конницы местности, реки как транспортные артерии имели колоссальное стратегическое и хозяйственное значение. Кто владел рекой, тот владел и страной, лежащей в ее бассейне. Теснее всего Новгород был связан с западом и севером, куда шли от него полноводные и относительно короткие водные пути»¹.

Еще одной важной особенностью, обуславливавшей устремленность Новгородской Руси на север, была исторически сложившаяся тесная связь Новгорода со Скандинавией, откуда, собственно, на Русь и пришли первые князья². Родственные связи русских князей и норвежских конунгов были давними и прочными. Именно потому все новгородские князья в случае своего изгнания или иных властных проблем удалялись в скандинавские страны. Скандинавы также непрерывным потоком приезжали из Норвегии и Швеции в Новгород, где при княжеских дворах воспитывались сыновья сканди-

навских конунгов. Да и сами конунги, по тем или иным причинам вынужденные покинуть Скандинавию, дружески принимались русскими князьями и неизменно были окружены почетом и уважением¹. Сложилось так, что для всех норвежских князей (конунгов) целью возвращения из Руси назад в свою страну были захват или возвращение себе утраченной власти в Норвегии.

Это был довольно интересный период формирования российской государственности. Например, в 1253 году «Российский Князь Андрей Ярославич купно с супругой, изгнанный татарами и своим братом Александром Невским, **по древнему Голмгородскому обычаю** [Новгородскому. – и. М.] убежал в Швецию и находился в стане Биргера»². Напомним, что ярл Биргер – это тот самый непримиримый противник Александра Невского, предводитель шведского войска в сражении на Неве и во многих последующих вторжениях на российские территории.

Даже в случае масштабных военных конфликтов интенсивность визитов многочисленных скандинавских гостей в Новгород вовсе не уменьшалась. Заморские князья приезжали со своими слугами, часто с купцами-торговцами, привозя товары для продажи. Из Новгорода увозили с собой в Скандинавию легкие для транспортировки, но дорогие и весьма ценимые в Европе новгородские меха. С этого времени понятия «гость» и «купец» стали синонимами³.

Если в период с IX и до середины XI веков в Новгороде доминировали «норманские гости», то в дальнейшем появились и «немцы» – датские, «балтийские», затем вообще «барабанские, галанские и амбарские немцы»⁴. Таким образом, формировался уникальный новгородский государственный менталитет, имевший принципиальные отличия от менталитета иных русских княжеств. Жесткий диктат торгового интереса порой превалировал над национальными и общегосударственными приоритетами. Выбранный раз и навсегда внешнеэкономический вектор устремлений Новгородского государства формировал и прозападную (проганзейскую) политическую ориентацию Новгорода. Не далеко от него в этом плане отстоял

¹ Скальдические стихи и королевские саги донесли до нас уникальную информацию о пребывании на Руси четырех норвежских конунгов: Олава Трюггвасона в 977–986 гг., Олава Харальдссона в 1029 г., Магнуса Олавссона с 1029 по 1035 г. и Харальда Сигурдарсона в начале 1030-х и в начале 1040-х гг. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 2012. С. 221.

² Олоф Далин. История Шведского государства. СПб., 1805. С. 281.

³ «Гость – купец, иностранец, гость». Дьяченко Григорий, протоиерей. Полный церковнославянский словарь. М., 1993. С. 130.

⁴ Смирнов П. П. Новое челообитие московских торговых людей о высылке иноземцев, 1627 года. // Чтения в Ист. о-ве Нестора летописца. Киев, 1912. Кн. 23. В. 1. С. 32. Прил.

¹ Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет. М., 1992. С. 51.

² Археология свидетельствует о скандинавском присутствии в Старой Ладоге (Альдейгьюборге) с 760 года, на первом этапе истории города. В «Повести временных лет» редакции Ипатьевского списка говорится, что именно ладожане в 862 году пригласили на княжение варяга Рюрика.

Торговая площадь
в Новгороде.

и Псков, порой с излишней легкостью шедший на заключения договоров с Западом.

Надо сказать, что Новгород, собственно, и не скрывал своего особого государственного статуса, позиционируя некую «иностранность», что было очевидно и современникам. Еще в XII веке русские князья воспринимали Новгород как некое самостоятельное государство, а не Русь: «1178 г. Прислаша новгородцы мужей своих ко Мьстиславу Ростиславичу, зовучи его к Новгороду Великому. Он же нехотяше ити **из Русской земли...** Хотя страдати за отчину, хотя исполнити отечествие свое. Муже свои рекуче ему: брате, аще зовут тя с честью, иди. Он же рекучи: **А тамо ци не наша отчина**»¹.

Такое положение вещей сохранялось вплоть до конца XV века, до того момента, когда экономический и идеологический космополитизм Новгорода окончательно вступил в противоречие с государственными интересами московских князей, собиравших воедино Российскую державу. Все сказанное выше нисколько не умаляет мужества и стойкости новгородцев в противостоянии шведской экспансии на Севере и Балтике. Нескончаемые сражения со шведами за земли Ингерманландии (Ингрии, Ижоры) преследовали жизненно важные для Новгорода цели – сохранить за новгородцами главные выходы к морю, не позволить шведам взять под свой контроль новгородскую торговлю и экономическую жизнь.

Еще одной специфической чертой экономики Новгорода было явно выраженное экстенсивное использование природных богатств страны, осу-

¹ Русские юридические древности. СПб., 1896. Т. II. С. 345.

Новгородские ушкуйники,
будучи христианами, тем не
менее, в полной мере
следовали кровавым методам
язычников-викингов
и занимались открытым
грабежом и насилием.

ществлявшееся как в энергичном собирательстве, охоте, рыболовстве, так и в открытом грабеже подвластных даннических народов Севера: карелы, чуди, пермяков, манси, ненцев, лопарей, югры, коми. Знаменитые новгородские ушкуйники¹, повольники, холопы-сбои в полной мере восприняли варяжско-норманские методы взаимоотношений с соседними народами и не стеснялись скромностью и дружелюбием.

¹ Ушкуй – используемое на Руси в XI–XV вв. парусно-гребное судно. Изготавливались в двух вариантах: для сплава по реке и для моря. Длина – 12–14 метров, ширина 2,5 метра. Вместимость до 30 человек. В морском варианте использовался косой парус.

Древняя традиция дружбы

«Норвежцы и русские соседствуют тысячу лет, и между этими народами и их странами не было серьезных конфликтов»¹ – так начинает свой труд по истории российско-норвежских отношений норвежский ученый К. Селнес².

Как мы показали выше, Новгородская Русь и Норвегия издревле и традиционно имели уважительные добрососедские отношения. Великий по-

Икона св. благоверного короля Олафа II Харальдссона, крестителя и просветителя Норвегии.

кровитель христианской Норвегии XI века король Олав II Святой приходился великому князю Ярославу Мудрому свекром. Важнейшие духовные решения Олава и укрепление его христианской веры произошли в период его пребывания в Великом Новгороде, где он совершил свои первые чудеса исцелений.

В дальнейшем, уже после кончины святого Олава, почитание его нарастало, поскольку Ганзейский союз избрал его покровителем всех мореплавателей. Во всех городах союза были воздвигнуты церкви его имени. Не был исключением и Великий Новгород, где, по свидетельству епископа города Або (ныне Турку), в XIV веке еще существовала церковь святого Олава («варяжская божница») и почитание его новгородцами было весьма велико.³ В России помимо Новгорода (где Олав жил несколько лет), церкви св. Олава существовали и в Старой Ладогге.

Два последующих короля уже христианской Норвегии – Магнус I Добрый (сын Олава) и Харальд III Суровый (сводный брат Олава) – были связаны с новгородскими князьями династическими браками и интересовались жизнью Великого Новгорода в целом.

После разделения христианских Церквей Востока и Запада в 1054 году тесные династические связи между правителями Руси и Норвегии стали по-

степенно ослабевать, но взаимная заинтересованность и традиции дружбы остались. Надо заметить, что раскол христианской Церкви 1054 года особо не отразился на самих отношениях между русскими христианами византийского обряда и скандинавскими римо-католического. Такая ситуация продолжалась до XIII века, до монголо-татарского нашествия, когда это противостояние резко обострилось по политическим мотивам. Так что к XIV веку церкви святого Олава исчезли из русских городов, несмотря на то что канонизация «христианского покровителя Норвегии», этого последнего святого неразделенной Церкви, произошла еще до Великого раскола.

¹ Selnes K. Russisk historie i norrøn saga // (N) NT. 1965. B. 44. H. 2. S. 3.

² Кьяртан Селнес – доктор философии, советник по социальным и философским наукам Норвежской гуманистической ассоциации, г. Осло, Норвегия.

³ Надпись на одном шведском руническом камне повествует о судьбе некоего путешественника, который «...умер в Холмгарде [Новгороде. – и. М.] в церкви св. Олава» (Wigum F. Norge og Russland som religiøse naboer // Kirke og Kultur. Oslo, 1997. № 1. Перевод А. Ермолаевой).

«Новая держава...»

Известный шведский историк Олоф Далин так описывает ситуацию, сложившуюся на Руси с наступлением монголо-татарского владычества: «В то время на развалинах Голмгородского царства утвердилась новая держава. Татары привели себе под иго всю между многими небольшими князьями разделенную Русь, так, что все они признавали верховную власть Хана Татарского над собою. Между сими князьями находился Князь Суздальский Ярислав Всевадзон [Ярослав Всеволодович], которому удалось не только удержать свою землю, как лен [зависимое поместье], но и приобрести некую власть и знаменитость над большею частию других; а потому в 1230 году и был избран Великим князем Новгородским»¹.

Северное положение Новгорода изначально определяло и его притязания на земли Крайнего Севера. Часть земель Лапландии «принадлежала Новгороду еще прежде Ярослава, – так пишет российский ученый XIX века Петр Кепшен, – если верить рунической харатейной грамоте, опубликованной в 1677 году в норвежском городке Шеене [Шиен (Skien), город и коммуна. – и. М.]. Грамота эта содержит в себе распределение границ между Россией и Норвегией во время Свенона I, Датского Короля, жившего в конце X века»². Согласно с этим договором, заключенным еще в те давние времена, «Государь Российский может брать дань с жителей приморских, горных и лесных до самых северо-восточных пределов Норвегии»³.

Подобные тексты рунических грамот с первыми договорами о владениях «короля Норвегии и государя Руссов» (Kunuggr af Norrik et Ruska Kununkr) существовали и много ранее, например в IX веке. В этих документах земли Великой Лапландии, Финмарка (в норвежском понимании) или Колапермь (в русском), назывались «пустынные Мархия» (outha Merkum). Слово же «Марх – значит *предел, граница*»⁴. Позже слово Мархия трансформируется в «маркен», в Финмаркен.

В древней рунной грамоте сказано, что «Государь Руссов собирает дань по морскому берегу даже до *Люнкастуфута* [это известный исторический рубеж – нынешний залив Lyngen-fjorden. – и. М.]; от всех горных жителей [имеются в виду горы Kjolen. – и. М.] между рекой [река Тана или же Паз. –

Князь Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского, сын Всеволода Большое Гнездо, великий князь Владимирский, князь Новгородский.

Александр Невский. Левая часть триптиха «За Землю Русскую». Художник Ю. П. Пантюхин, 2003 г.

и. М.] и Лигьяром. Королю же Норвегии принадлежит дань от восточных жителей до *Дриадима* [искаженное Trjanema – Кольский полуостров. – и. М.] и по внутренности *Сантвика* [искаженное Gandvik – Белое море. – и. М.], даже до *Вилляя* [Vela – река Вяла (Væljoki), приток реки Умбы. – и. М.], где обитают частью карелы, частью приморские финны»¹.

Таким образом, мы видим, что порядок разделения даннических земель европейского Крайнего Севера между русскими князьями и норвежскими конунгами сложился еще со времен древнейших рунных грамот². Потому такие понятия и формулировки, как «старые границы», «древние рубежи», «предания старых людей», неизменно переключивались в порубежные грамоты и договоры последующих столетий. В дальнейшем скандинавы всячески стремились не упоминать эти древние документы, выстраивая свои дипломатические переговоры с иных позиций. Так, например, русский текст Ореховского договора был открыт только в 70-х годах XIX века в Стокгольме и «принадлежал к серии документов, носивших отметку: “Старая рубежная грамота, которой не должно показывать” (Camla Radartz breif, som intet skoleframbaras)»³.

¹ Björner, Eric Julius. Cogitationes critico philologicae de orthographia linguae Sviogothicae, ... praefixis prolegomenis de initiis et migrationibus gentium Scandogothicarum / auctore Erico Julio Björner. Stockholmiae: typis Laurentii Salvii, 1742. P. 60. Перевод: Бутков П. Три древних договора // Журнал Министерства Внутренних Дел. СПб., 1837. Ч. 23–24. № 1–6. С. 528–529.

² «Уже с X и XI веков начали истреблять руны в публичных и королевских письменных делах и заменять их латынью, с изданием королевских повелений о сожжении книг писанных рунами, поскольку простой народ употреблял их для чародейства». Dalin Olof, Svea Rikes Historia Ifran Des Begynnelse Til Wara Tider: Del-1. Stockholm, 1750. P. 225–226.

³ Тельпуховский Б., батальонный комиссар. Древнейшие договоры русских князей с норвежскими и шведскими королями // Военно-исторический журнал. 1940. № 3. С. 128–133.

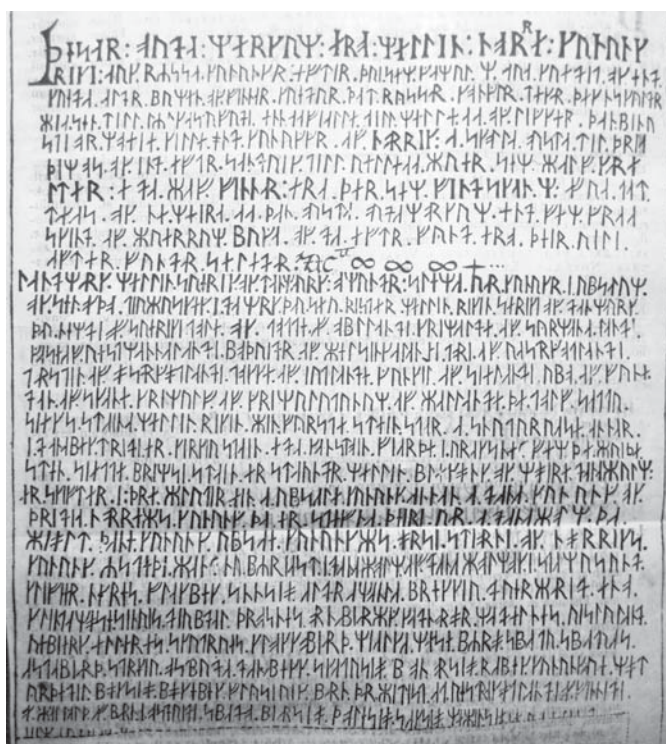
¹ Олоф Далин. История Шведского государства в 8 томах. СПб., 1805–1807. Т. 2. С. 262.

² Речь идет о Свене I Вилобордом (960-е – 1014) – короле Дании, Норвегии и Англии.

³ Кепшен П. И. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861. С. 350.

⁴ Christoph Hartknoch, Sammlung / Собрание сочинений. 1674–1687. Кёнигсберг, 1687. С. 81.

Скандинавская рунная грамота IX–X веков, утверждающая северные рубежи сбора дани «короля Норвегии и государя Руссов». Из книги: *Biörner, Eric Julius. Cogitationes critico philologicae de orthographia linguae Sviogothicae, ... praefixis prolegomenis de initiis et migrationibus gentium Scandogothicarum* / auctore Erico Julio Björner. Stockholmiae: typis Laurentii Salvii, 1742. P. 60.

Но несомненно и другое: именно нашествие татар радикально изменило расстановку политических акцентов и территориальных приоритетов Руси в отношении Крайнего Севера. Гениальное прозрение князя Андрея Боголюбского, перенесшего в 1155 году великокняжеский стол на север, во Владимир и Ростов, как бы предвосхищая нашествия Орды, явило некое Божественное откровение о грядущей судьбе Руси, которая будет прирастать землями Крайнего Севера.

Итак, наступила трагедия 1237 года. Великие города юга Руси были превращены в руины. Погибло около половины населения страны. Развитая городская культура Древней Руси была уничтожена. Русский Север обрел свой новый исторический статус.

«Со времени татарского опустошения Новгород прекращает свою древнюю связь с Южной Русью. Постепенно ослабленная междоусобиями и иноплеменными нашествиями, она окончательно была добита татарами, выступила из русской федерации, и начала идти иным путем по колее исторической жизни. Новгород удержался членом федерации, сплотившейся под верховным владычеством татар. По мере более тесного сближения об-

Ханские баскаки – сборщики дани. (Баскак – представитель монгольского хана в завоеванных землях).

Нашествие.

разовался обычай, перешедший как бы в закон, что новгородским князем должен быть тот, кто называется Великим. Первый пример этому был с Александром Невским».¹

Надо заметить, что О. Далин первым великим князем Владимирским и Новгородским называет Ярослава Всеволодовича, который ханом Батием был признан «старей всем князем в Русском языке» (Лаврентьевская летопись): «Сей Князь по праву татарскому начал чинить нападения на Ингерманландию, Карелию и **Финляндию**». То есть попытки покорить Финляндию (в то время Финляндия – это земли лопарские, Финмарк) предпринимал еще отец Александра, Ярослав Всеволодович. «Но шведы храброе делали сопротивление так, что россияне бежать принуждены были».

И далее шведский историк вынужден признать и особо отметить ратные достоинства великого князя Александра Невского: «Однако ж, Ярослав имел сына Александра, почитаемого у россиян за Марса, который тогда одержал достопамятную победу над Шведским флотом при реке Неве, и от того получил проименование Александра Невского»².

«Александр Невский, – пишет далее О. Далин, – покорил себе Пермию или Биармаландию, отщедившуюся на несколько времени от Голмгородского государства, и беспокоил даже Норвежские границы около Галогаланда, проходя к оным чрез Финмаркен и Лапландию».

¹ Костомаров Н. И. Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). М., 1994. С. 110: «Порабощение татарское возвышало значение Великого князя, мало-помалу сообщало ему значение государя всей Русской Земли, и низводило князей с прежнего значения по их породе».

² Олоф Далин. История Шведского государства в 8 томах. СПб., 1805–1807. Т. 2. С. 263.

Биармия на карте «Carta Marina» Олафа Магнуса (Olaus Magnus), отпечатанной в Венеции в 1539 году.

То есть дружина великого князя провела масштабную военную операцию на крайнем севере Европы. Пройдя и покорив Лапландию (Кольский полуостров), Финмаркен (земли на запад от Кольского полуострова), Александр Невский с силою вошел в область Северной Норвегии у Галогаланда. Началось массовое бегство народа, с древности известного как биармийцы, с этих территорий: «Норвежский король Гокан [Хакон IV Старый (1204–1263). – и. М.] принимал дружески бежавших Пермян. Об этом смотри: Торфея в житии Гаквина у Шенстрема во введении в историю Шведскую рукописную; и Петра Клавдия летоп. Норвежскую, стран. 744»¹.

Биармиец в пути. Рисунок из книги «История Северных народов» (Olaus Magnus, *Gothus. Historia de gentibus septentrionalibus* / Olaus Magnus. Romae, 1555).

Передел 1251 года

Для таких решительных действий по пересмотру устоявшихся отношений и границ надо было иметь достаточно веские основания, особенно если учесть, что святой благоверный князь Александр Невский проводил в отношении Норвегии политику всемерного укрепления и развития давних дружеских и родственных связей. Стремясь к стабильному и прочному миру в Лапландии, Александр Ярославич предлагал династический союз королю Норвегии Хокону IV через брак своего сына князя Василия с принцессой Кристиной. «В 1252 году прибыли послы от Александра к Гокану с дружественными предложениями и просили у него Принцессу Христину в супруги сыну Александра».

Однако король Хокон, видимо, первоначально считал этот брак малополезным для укрепления положения Норвегии. Русь числилась в даньщиках Золотой Орды, и, возможно, этот брак представлялся королю не вполне достойным; и «в деле, до бракосочетания касавшемся, учтивыми словами было им отказано». Тем более, что «татары в это время уже опустошили новгородскую землю, и сватовство холмгардского князя осталось без результата»¹.

При рассмотрении этого факта нельзя забывать, что, понуждаемый Папой, Запад пытался использовать сложное положение Руси, дабы склонить непокорных «схизматиков» к принятию католичества в обмен на обещание военной помощи против татар.

Но в 1251 году Александр Ярославич, казалось бы неожиданно, окончательно отказывается от «ласковых» предложений папы Иннокентия IV и, более того, заключает крайне важный договор между Новгородом и Норвегией, узаконивший русский сбор дани с саамов по всему Кольскому полуострову и во всем Финмарке вплоть до норвежского Галогаланда (нынешний округ Тромсе)².

Этот столь успешный новгородско-норвежский договор стал возможен лишь потому, что ему предшествовала серьезная подготовка. Отечественные историки, вслед за Н. Карамзиным, говорят о княжеском посольстве в норвежский Дронтегем (ныне – Тронхейм) к королю Хокону IV, где в самых любезных выражениях новгородцы предложили королю, «чтобы он за-

¹ Saga Hakonar konungs Haakonarsonar, 271. Цит. по: Кузнецов С. Н. К вопросу о Биармии // Этнографическое обозрение. М., 1905. № 2–3. С. 47.

² Этот особый порядок взимания дани с восточных лопарей (сколтсаамов) предполагал не поземельный, а подушный их учет ввиду постоянных кочевек кольских аборигенов.

¹ Далин Олоф. История Шведского государства. СПб., 1805. С. 263. Прим. III.

Александр Невский
принимает папских легатов.
Картина Г. И. Семирадского.

претил финмаркским своим поданным грабить нашу Лопь и Корелию»¹, а «Король изъявил самые миролюбивые намерения, не прочь был породниться со славным русским князем и, в свою очередь, прислал послов в Новгород для заключения договора. Послы были встречены с почетом и отправлены обратно с богатыми подарками».²

Однако скандинавские источники, как мы указали выше, рисуют несколько иную картину. К упомянутому 1251 году князь Киевский и Новгородский Александр Ярославич совершил масштабный поход по северным землям и твердой рукой привел в подданство все местные народности, населявшие тогда крайний север Европы. «Достойный всяческого уважения Олоф Далин в своей «Истории Шведского государства»³, ссылаясь на историков Торфея (Torfaei Thormodori antiquitates Norvegicae) и Петра Клавдия (Claudii Petri transaction Helsingborgensis), утверждает, что князь Александр Невский покорил всю Биармландию и беспокоил даже норвежские границы, проходя к оным через Лапландию и Финмаркен. Король Норвежский

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1997. Кн. 1. Т. 1–4. С. 487.

² Хитров М. Великий князь Александр Невский. Подробное жизнеописание. М., 1893. С. 96.

³ Олоф Далин. История Шведского государства в 8 томах. СПб., 1805–1807. Т. 2. С. 269.

Сражение на Севере. Рисунок из книги «История Северных народов» (Olaus Magnus, Gothus. Historia de gentibus septentrionalibus / Olaus Magnus. Romae, 1555).

Хокон IV Старый (Хокон Хоконссон) в то время повелел принимать всех бежавших от княжеской дружины»¹.

«В то время, – рассказывает одна норвежская сага, – жители Биармии обратились с просьбой о защите к королю Хокону. Он позволил им поселиться у Малангена [в районе нынешнего Тромсе. – и. М.] с условием, чтобы они приняли христианство, что они и сделали»². Упомянутая сага была опубликована К. Х. Рафном³ в середине XIX века: «Король Хакон приложил большее, чем кто-либо из владетелей после короля Олава святого, старание к тому, чтобы утвердить христианскую веру в Норвегии; он озаботился выстроить храм в Тромсе и ввел христианство в этом приходе»⁴. Первая церковь в честь Девы Марии в этом крайне-северном поселении Норвегии – Тромсе, была построена в 1252 году именно как следствие этого пришествия биармийцев. «К нему пришли многие из биармонцев, которые

¹ Берх В. Н. «О времени открытия россиянами Ледовитого моря»: статья из книги «История географических открытий россиян». СПб., 1817 (не опубликована). Берх Василий Николаевич (1780–1835), военный историк. С 1828 года в должности историографа русского военно-морского флота. Почетный член Адмиралтейского департамента и Ученого комитета Морского штаба.

² «Эти переселенцы на новом месте поселения в пустынных Лапландии и Финмаркене встретились с более дикими племенами, квенами, лопьями и другими, и, чтобы утвердиться здесь, должны были, в свою очередь, подчинить их себе и вступить с ними во враждебные столкновения. Норвежские саги сообщают немало случаев подобных столкновений». Haakon Haakonssons Saga (последняя глава). Цит. по: Кааран А. К истории Русского Севера: Русско-норвежские отношения // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1910. № 11. С. 25.

³ Рафн Карл Христиан – датский археолог (1795–1864), основатель Королевского общества северных антиквариев.

⁴ Saga Hakonar konungs Haakonarsonar. Rafn C. C. Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves. Copenhagen, 1852. R. II. P. 83.

Биармия (в левом верхнем углу) и Пермь (в правом нижнем углу) на карте Антония Дженкинсона, 1562 г.

Король Норвегии Хакон IV Старый повелевает отомстить биармийцам. Рисунок из книги *Olaus Magnus, Gothus. Historia de gentibus septentrionalibus* / Olaus Magnus. Romae, 1555.

бежали с востока, прогнанные набегами татар; король повелел обратить их в христианство и уступил им для жительства так называемый Малангерский залив [Маланген (Malangen) – ныне крупный рыболовный центр на Сев. Норвегии. – и. М.]».¹

Еще раз подчеркнем особо, что приведенная выше информация ясно свидетельствует о нахождении земель Биармии в относительной близости от Норвегии, и уж никак не в районе Северной Двины или Перми.

Это зафиксированное в норвежских источниках масштабное перемещение народов, массовое бегство биармийцев, с давних времен населявших земли Крайнего Севера, историки связывали с монголо-татарским нашествием. «Часть населения Биармии в середине XIII столетия добралась <...> до северо-западного берега Норвегии, где они и поселились. Это было во время нашествия монголов, когда жители Севера, объятые ужасом, покинули свои места и массами бежали выше на Север, в нынешнюю Лапландию и даже Финмаркен».²

Подобные утверждения вызывали подчас законное недоумение историков, поскольку, как известно, войска монголо-татар в своем движении на север не доходили даже до Новгорода³. Тем не менее, упомянутая связь с Ордой вполне очевидна, поскольку, как замечает историк, «Князь Александр

¹ Rafn C. C. *Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves*. Copenhagen, 1852. R. II. P. 84.

² Кааран А. К истории Русского Севера: Русско-норвежские отношения // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1910. № 11. С. 23–24.

³ В 1238 году, после взятия Торжка, основные силы монголов, не дойдя 100 верст до Новгорода, из-за весенней распутицы и высоких потерь повернули назад в степи.

по праву татарскому» осуществлял эти походы, и опирался «на всю татарскую силу»¹.

Об этих важных событиях также пишет шведский историк Стриннгольм Андерс в своей истории русского Крайнего Севера: «О биармийском государстве известно, что оно пало после 1236 года во время вторжения Чингисхана и его монгольских орд в Северную Европу, а потом было оконча-

Монах-путешественник Плано де Карпини (ок. 1182–1252 гг.).

тельно покорено царем России Иваном Васильевичем в конце XV века»². Однако надо заметить, что Чингисхан скончался в 1227 году. Хотя приблизительно в это время действительно имело место появление монгольских орд в районе южного Урала. Как свидетельствует Плано Карпини, «они пошли дальше к северу и ... пришли к Самоедам³, а эти люди, как говорят, живут только охотами; палатки и платье их также сделаны только из шкур зверей. Подвинувшись оттуда далее, они пришли к некоей земле над Океаном, где нашли неких чудовищ...»⁴. Действительно, «лапландцы, принадлежащие к народам Финского племени, называют свою землю Самеядна»⁵.

В то же время, события, произошедшие на Крайнем Севере и приведшие к изгнанию биармийцев с Кольского Севера, происходили несколько позже, во времена правления хана Батыя. Это времена похода на Русь «Неврюевой рати», посланной Батыем в 1252 году, имевшего результатом великое княжение на Руси Александра Невского, которому противились иные князья – потомки Ярослава Всеволодовича.

Великий князь новгородский Александр Ярославич, добившись особого расположения ордынского хана, в полной мере сумел реализовать уди-

¹ Олоф Далин. История Шведского государства в 8 томах. СПб., 1805–1807. Т. 2. С. 269. С. 264.

² Стриннгольм Андерс Магнус. Походы викингов, государственное устройство, нравы и обычаи древних скандинавов. М., 2002. Перевод с нем. яз. А. Шемякина. С. 36.

³ «Самоеды – урало-алтайское племя, близкое к финнам-лопарям. Имя их произошло, вероятно, от названия «Самееднам», страны, где некогда жили лопари. Первоначальная родина их была в области Саянского нагорья, но оттесненные к северу, самоеды спустились по Оби». Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1890–1907.

⁴ Плано Карпини И. История Монголов. СПб, 1911. С. 47.

⁵ Кеппен П. И. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861. С. 350.

Ярослав II, великий князь
Российский (1191–1246 гг.).

вительные возможности своей на тот момент практически абсолютной власти, опиравшейся на страшную силу Орды. Он понял, что покорность этой, пока что неодолимой, силе может принести Руси такие выгоды, о каких ни один из правителей прежде и не мечтал. При этом, что важно подчеркнуть, благоверный князь всегда оставался христианином и патриотом своей земли.¹

Союз с Золотой Ордой завещал Александру крепить его отец, князь Ярослав, как условие предотвращения нового разгрома Руси. Сам же великий князь Ярослав Всеволодович добился особого

к себе расположения со стороны Золотой Орды. Об особом почете, выдаваемом князю (что было вовсе не характерно для татарских нравов, царивших при дворе великого хана Гуюка) пишет очевидец, посланник Папы Римского Инокентия IV: «там было несколько вождей, ... более десяти других султанов, более четырех тысяч послов в числе тех, кто приносил дань, и тех, кто шел с дарами султанов, других вождей, которые являлись покориться им, и тех, кто были наместниками земель. Всех их вместе поставили за оградой. Нам же и князю Ярославу они всегда давали высшее место. Мы там пребывали в довольстве четыре недели»².

После кончины князя Ярослава Александр твердо держался этой линии отца, следуя путем укрепления единовластия в стране с опорой на силу Золотой Орды. Сын хана Батыя Сартак, заведующий «русским направлением» Орды, после принятия христианства стал другом и побратимом Александра. Обещав свою поддержку, святой Александр обеспечил хану Батыю возможность выступить в поход против Монголии и стать главным повелителем всей Великой Степи. Более того, на престол Монголии был возведен вождь татар-христиан, хан Мункэ. Позже, в 1261 году, при содействии великого князя Александра в Сарае была образована православная епархия.

Именно эта, стоящая за великим князем сила Золотой Орды и позволила устранить извечное владычество биармийцев на Крайнем Севере и присоединить богатейшие земли терфиннов Кольского полуострова и норвежско-

¹ В 1250 году князю пришлось ехать в Монголию к великому хану. Зная языческие обряды Орды, князь молился перед отъездом, обещая: «Аще и кровь свою пролию Христа ради от безбожного царя, якоже и сродники мои, кусту же и огню и идолам не поклонюся». И свое слово князь сдержал.

² Плано Карпини И. История Монголов. СПб., 1911. С. 75.

Св. князь Александр Невский
и хан Сартак в Орде. Художник
Ф. Москвитин. 2002 г.

го Финмаркена к Новгородской Руси. И, более того, с властью войти в Галогаландские пределы Норвежского королевства, тем самым обеспечив успешное заключение крайне необходимого для Руси договора 1251 года.

Важность этого деяния благоверного князя безмерна, ибо та дань, которую Русь теперь могла беспрепятственно взимать с богатой мехами Лапландии, спасала русский народ от рабства. При всей тяжести и многообразии налогов, уплачиваемых на Руси Золотой Орде, сборщиков «салыги» – этой самой главной годовой дани (или подушной подати), интересовала исключительно пушнина («мягкая рухлядь»). Упомянутый нами выше монах-францисканец Плано Карпини, оказавшийся на Руси в эти годы, оставил свои воспоминания о тех порядках: «Каждый, как малый, так и большой, бедный или богатый, платил монголам дань: одну шкуру медведя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру дохорь (ильтиса) [черный лесной хорек. – и. М.] и одну черную лисью шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть обращен в их раба».¹

Решительные действия мудрого правителя Руси святого князя Александра спасли великое множество русского народа от страшного рабства в Золотой Орде и заложили принципиальные основы для дальнейшего приращения территорий Руси землями Крайнего Севера, формирования новых границ страны как государства Северной Европы.

Так что же это за государство – Биармия, которое столь решительно упразднил Александр Невский, да так, что даже достоверные сведения о нем практически утратились в анналах истории?

¹ Плано Карпини И. История Монголов. СПб., 1911. С. 33–34.

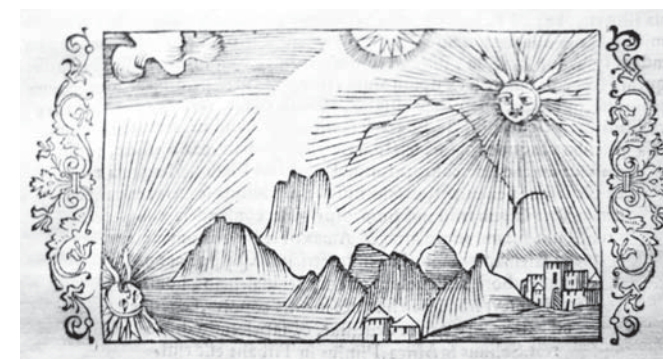
Биармия в древности

На наш взгляд, есть некое устойчивое заблуждение, упорно отождествляющее такие раздельные исторические и географические понятия, как Биармия и Пермь. Иные историки с завидным упорством, сталкиваясь с названием Биармия (Biarmaland), переводят его как Пермь: «Биармос – испорченное название Пермь»¹. И это несмотря на то, что древние географические карты совершенно недвусмысленно разносят эти территории на весьма значительное расстояние друг от друга. Многими исследователями неоднократно высказывались здравые суждения об ошибочности подобных отождествлений: «Биармия и Пермь – две совершенно различные страны»².

Датский историк и летописец Саксон Грамматик (Saxo Grammaticus) (ок. 1140 – ок. 1216 гг.), изложивший в своей хронике древнейшие саги, касается и истории государства Биармия. Так, в частности, он упоминает древнего властителя финнов и биармов князя Кузо (Finnorum Byarmorumque princeps Cuso) и его дочь Тору (Thora). Среди сохранившихся в истории имен, связанных с европейским Севером, упоминается Биармийский герцог Эктер (Biarmiae dux Egtherus)³.

Сохранилось подробное описание происходивших в Биармии в давние времена событий, связанных с царем Хиалмаром (regis Hialmari), «который выдавался природными своими дарованиями и геройскими добродетелями. Он сам приобрел власть над царством Биармией (Biarmalandiae), которое расположено между Тулемаркией и Гандвикой, за восточным склоном горного хребта»⁴. То есть мы видим, что Биармия находилась между Белым морем (Гандвиком) и некоей Фулемаркией (Thulemarkiae). При этом, учитывая, что рассказ записан рунами на пергаменте и идет от лица скандинава, можно считать упомянутый «восточный склон горного хребта» хорошо известными Скандинавскими горами. Именно за ними, за «восточным их

Страна Биармия. Рисунок из книги «История Северных народов» (Olaus Magnus, Gothus. Historia de gentibus septentrionalibus / Olaus Magnus. Romae, 1555).

склоном» простираются пространства Финмарка и русской Лапландии на Кольском полуострове. В таком случае упомянутая Тулемаркия ограничивает территорию Биармии с севера. Название местности, Тулемаркия, как мы видим, состоит из двух частей. «Маркия» (merkum, marken) означает «пределы, поле», а Туле – легендарный остров на самом севере Европы, описанный еще древнегреческим путешественником Пифеем в IV веке до Р. Х., но так до сего дня окончательно не опознанный. Прокопий Кесарийский, византийский писатель VI века, считал Туле частью Скандинавского полуострова. В нашем случае загадочная Тулемаркия вполне может располагаться на землях нынешних полуостровов Рыбачий и Варангер, которые в те достопамятные времена были полноценными островами, пригодными для отождествления с легендарным Туле.

Говоря о значении топонима «Bjarmaland», следует заметить, что оно претерпевало изменения по мере ознакомления скандинавов с Севером. В конечном итоге топоним Бьярмаланд для скандинавских мореходов стал служить для обозначения берегов Кольского полуострова (Trjanema)¹ и прочего Беломорского побережья (Gandvik).

Известны попытки найти единый корень в древнескандинавском топониме «Beormas», «Бьярм» и русском «Перемь». Предполагают, что они означали примерно одно и то же, восходя к прибалтийско-финскому понятию «рега-таа» («задняя земля», «земля за волоком»)². И что лишь

¹ Костомаров Н.И. Русская республика. Исторические монографии и исследования. М.-Смоленск, 1994. С. 178.

² Кузнецов С. Н. К вопросу о Биармии // Этнографическое обозрение. М., 1905. № 2-3. С. 3. Того же мнения придерживались и авторитетные ученые начала XIX века А. Л. Шлецер и В. Н. Берх, полагавшие, что Биармия и Пермь «две различные, хотя и соседние, страны». Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1890–1907.

³ Saxo Grammaticus. Danmark Historie. Lib. III, V. Цит. по: Савельев П. Пермская губерния в археологическом отношении // Журнал Министерства Внутренних Дел. СПб., 1852. Ч. 39. Кн. 7. С. 115.

⁴ Johannis Peringskiöldii. Historia Hialmari, regis Biarmalandiae atque Thulemarkiae, ex fragment runici Ms-ti literis recentioribus descripta. Stockholm, 1722. Цит. по: Кузнецов С. Н. К вопросу о Биармии // Этнографическое обозрение. М., 1905. № 2–3. С. 33.

¹ Место и время этих визитов скандинавов подтверждают и археологические находки: «В 1887 г. местные жители, в осыпи обрыва, “в обвалившемся кургане” возле устья реки Варзуги нашли, завернутые в бересту, семь массивных “скандинавских” серебряных гривен IX–XII вв. различных типов». Горюнова В. М., Овсянников О. В. Клад конца X – начала XIII вв. в устье р. Варзуги (Терский берег Кольского полуострова) // Ладога и её соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 211–215.

² Такова суть гипотезы, высказанной российским и советским лингвистом, профессором Д. В. Бубрихом (1890–1949). Вспомним при этом, что направление сторон света на картах тех времен было иным, и северные земли на них располагались «внизу», как бы сзади.

Биармия и Норденбург на карте Олафа Магнуса 1567 года, г. Базель.

На фрагменте старинной карты хорошо видны горы Kjølen – цепь горных хребтов вдоль побережья Норвегии к северу от Тронхейма, и Биармия на востоке. С любезного разрешения Амвросианской библиотеки г. Милана. Copyright Veneranda Bibliotheca Ambrosiana / De Agostini Picture Library, L.P.3221 – tavola EUROPA particolare.

в дальнейшем они заняли свои индивидуальные места: «Biarmia» – на Кольском полуострове и западнее, а «Permia» – от Белого моря далее на восток, что хорошо видно на карте Герхарда Меркатора (Амстердам, 1595). Однако эти места изначально так и были зафиксированы на знаменитой карте Олафа Магнуса «Carta Marina» 1539 года¹. Страна «Biarmia» на всех известных средневековых картах уверенно размещалась на Кольском полуострове и никогда иначе².

Следует заметить, что изучение скандинавских топонимов Севера Европы показывает полное пренебрежение норманнов к финно-угорским и славянским самоназваниям. Так, например, Русь это Гардар или Гардарика,

Биармия на карте Себастьяна Мюнстера (Sebastian Munster) 1544 года. На карте обозначен и Кольский залив.

Новгород – Хольмгард, Ладога – Альдейгьюборг, Кола – Мальмус, Белое море – Гандвик. То же самое было и с этнонимами: суоми – финны; лопари (саами) – терфинны, собственно финнов называли квенами и т. п. Потому вряд ли стоит пытаться вывести из русской «Перми» норвежскую «Bjarmaland». Норвежцы всегда давали свои имена и названия исходя только из личных ассоциа-

¹ Надо сказать, что на карте отражена ситуация 1518 года, когда Магнус был отправлен на север Скандинавского полуострова для исполнения духовной миссии. В Северной Норвегии он дошел до берегов Ледовитого океана.

² «По преимуществу Бьярмаланд помещается на Кольском полуострове и в западном Беломорье. Очевидно, что изначально топоним служил для обозначения всей западной половины Беломорья между реками Онега и Стрельна или Варзуга». Джаксон Т. Н. Бьярмия – легенды и действительность // Сквозь века и границы – «Norge-Russland. Naboer gjennom tusen år». Изд. «Россия-Норвегия». ГМБЦ РОСИЗО. 2004. С. 78.

Медведи Терского берега. Типичная картина весной на Поморье.

Медведи Биармии на рисунках из книги «История Северных народов» (Olaus Magnus, Gothus. Historia de gentibus septentrionalibus / Olaus Magnus. Romae, 1555).

ций. Таковы, например, имена первых конунгов – Эрик Кровавая Секира и Харальд Серый Плащ. Белое море – Гандвик – «Залив Чудовищ»; Русь – Гардарика – «Страна Городищ». Потому, если задуматься о том, чем именно в житейском и промысловом плане существенно отличалась лесная Биармия – Кольский полуостров – от скалистого скандинавского побережья Норвегии, что могло бы вдохновить древних норманнов дать этой земле собственное название, – так это немыслимое количество медведей¹. Уникальная природа и ландшафт Беломорского побережья Кольского полуострова (земли Тре) создают идеальные условия для их популяции. Как известно, главная проблема жизни медведя – изыскание возможности прокормиться вместе с медвежатами в тяжелый весенний период завершения цикла зимней спячки, когда природа леса еще не ожила. Тем более – на Кольском Севере, где и оживает-то она крайне поздно.

На Терском берегу такой проблемы нет: все медведи отправляются на пологий песчаный берег моря, который так удобно примыкает к густому лесу. Море кормит медведя большим количеством накопившейся за зиму падали, что выбрасывают на берег освободившиеся от прибрежного льда беломорские волны, и так до тех пор, пока не оживут богатые кормовыми дарами Терские леса. Потому корни норвежского названия «Bjarmaland» надо искать не в Перми, а «Медвежьем царстве», в названии «Bjørnland» – Медвежья земля.

¹ Автор готов свидетельствовать, что даже в наше время активного наступления человека на природу Терского берега количество медведей в лесах превосходит все разумные пределы.

Биармия в IX веке

К началу XI века, по мере усиления присутствия Руси на Крайнем Севере и прекращения лихих хождений героев норвежских саг, скандинавское понятие «Биармия» навеки застыло в образе легендарных Беломорских берегов, в то время как Пермь русских летописей по мере приведения в российское подданство этих краев отодвигалась все далее и далее на восток¹. Так что впоследствии, в XVIII веке, историки уже перестали их различать: «Пермия, кою Биармией называют, далече простиралась от Белого моря вверх, около Двины реки, и был народ чудской сильный, купечествовал дорогами звериными кожами с датчанами и с другими нормандцами...»².

Наиболее обстоятельное и ранее описание местонахождения Биармии сохранилось в документе «Путешествие Отхера», записанном повелением английского короля Альфреда Великого и помещенном вставкой в «Историю против язычников» (*Historia adversus paganos*) Павла Орозия (V век по Р. Х.)¹. Время этого путешествия датируется периодом от 870 до 891 гг.

Рассказ начинается словами: «Оттар (Other) сказал своему господину, королю Альфреду, что он бывал у самых северных из всех людей севера, когда как-то раз захотел выяснить, как далеко эта земля простирается на север и живет ли кто к северу от той пустыни».

Согласно тексту, Оттар сообщает, что «живёт в земле к северу по Западному морю [Норвежское море. – и. М.], однако вся она пустынна, кроме немногих мест, где, то там, то здесь, живут финны». В норвежских источниках высказывается мнение, что Оттар жил в районе Малангена (Malangen) на юге Тромс², то есть на самом севере Галогаланда, однако это противоречит словам самого Оттара: «он сказал, что эту местность называют Халголанд и что **он там бывал**». Так что, по мнению авторитетного скандинависта К. Ф. Тиандера, норманны в IX веке жили никак не севернее 65° N.³

Попутно заметим, что, правда, вскоре, под давлением жестокой политики первого короля Норвегии Харальда I (870–933 гг.) и после великой битвы при Хаврсфьорде, произошло массовое перемещение населения, связанное с уходом на север местных мелких правителей – хёвдингов. Как верно предчувствовал еще Оттар – «вскоре действительно норвежская колонизация активно двинулась много севернее»⁴.

Таким образом, свое плавание Оттар начал от побережья провинции Галогаланд и вначале шел на судне три дня на север вдоль берега. Вскоре «он оказался так далеко на севере, куда не заходили дальше него и охотники на китов». То есть Оттар достиг предела китобойных промыслов, район которых, по мнению К. Тиандера, располагался около 69° N, или на полпути к крайней точке севера Европы. После чего еще три дня путешественники

¹ Манускрипты Lauderdale MS в Хемингхэм Холле, и Cotton MS., Tiberius B. i. в Британской библиотеке.

² *Helle Knut. Grunntrakk i norsk historie* // Universitetsforlaget. Oslo, 1991. P. 19-21. «Родина Оттара вблизи Тромсё, 68° S' N». *Tallgren A. M. Biarmia, Eurasia Septentrionalia Antiqua*. Helsinki, 1931 Vol. 16. P. 101.

³ Тиандер К. Ф. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906. С. 53.

⁴ Тиандер. С. 58.

¹ Веришин Е. В. Пермь Великая. Как Москва пришла на Урал / Журнал «Родина». М., 2001. № 11.

² Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Древняя Российская история... М.-Л., 1952. Т. 6. С. 218.

Мыс Нордкап – северная оконечность Европы. Рисунок XVII века. Из книги: Lilienskiolds Speculum boreale // Finnmarkomkring 1700: Nordnorske samlinger utgitt av Etnografiskmuseum. Bd. IV. 2–4 hefte. Forstebind. Oslo 1942–1943. Annenbind. Oslo, 1943.

подымались на север, оставляя по правому борту берег, а слева имея «Северный Внутренний океан» (согласно Г. Меркатору). Таким образом, проплыв около 600 км за 6 дней (при свежем ветре судно викингов под парусом могло развивать скорость до десяти узлов), они поднялись до самой крайней северной точки Скандинавского полуострова – мыса Нордкап. Здесь Оттар повернул на восток и в течение четырех дней шел вдоль нынешнего Мурманского берега. Вскоре им снова пришлось ожидать попутного, но теперь уже северного ветра, так как берег явно поворачивал на юг. Надо полагать, Оттар достиг мыса Святой Нос и рубежа Лумбовских островов, после чего

стал спускаться на юг, огибая восточную оконечность Кольского полуострова. Вдоль побережья Терского берега они шли еще пять дней, пока не достигли устья большой реки.

Здесь мнения исследователей о том, до какой реки добрался Оттар, разделились. Большинство ученых склонны считать, что он дошел до крупнейшей реки Кольского полуострова – Варзуги, которая впадает в Белое море. Было высказано и утверждение о том, что Оттар пришел в Северную Двину. Оценим аргументацию сторон.

Известный полярный путешественник и исследователь Ф. Нансен прямо называет местом окончания путешествия Оттара в Биармию (Bjarmaland) реку Варзуга на Терском берегу¹. Этой же точки зрения придерживались в XIX столетии ученые А. М. Талльгрэн, К. Алениус, К. Malone, а в XX веке исследователи М. И. Белов, В. И. Матузова и др.² Финский историк профессор А. Талльгрэн, анализируя рассказ Оттара, приходит к выводу, что «река, у устья которой закончилось его путешествие.., должна быть где-то на Кольском полуострове – он не пересекал открытое море»³.

К. Алениус также, указывая, что на протяжении всего путешествия Оттар «никогда не удалялся от побережья в открытое морское пространство»,

¹ Nansen F. Nebelheim, Bd. 1, Leipzig, 1911.

² Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. – В кн.: История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1956. Т. 1. С. 30; Malone K. King Alfred's North: A Study in Medieval Geography. – Speculum, Cambridge, Mass., 1930. Vol. V. S. 166; Binns A. L. Ohtheriana, VI. Ohthere's Northern Voyage // English and German-Studies, Cambridge, 1961. Vol. 7. P. 49.

³ Tallgren A. M. Bjarmienmaa / kirjoittanut A. M. Tallgren. Helsinki : WSOY, 1930. S. 58–83.

справедливо утверждает, что тот «не мог достичь Двины, но приплыл в Кандалакшский залив Белого моря, к какой-то впадающей в него реке, стекающей с внутренней части Кольского полуострова»¹. Эти выводы подтверждаются самим маршрутом путешествия.

Справедливо замечает и норвежский историк А. Бугге: «Оттар, следуя вокруг Кольского полуострова, обнаружил большую реку, которая разделяла терфиннов и биармийцев. Мы знаем, что терфинны жили и живут в земле Тре или Турья, в Лапландии. На правом берегу реки Двины они никогда не жили. Поэтому разумным будет считать тот большой водный поток, который отделял земли терфиннов и Биармии, рекой Варзугой, которая, собственно, являлась в дальнейшем границей с терфиннами и для карельского поселения в XVI веке».²

¹ Ahlenius K. Die älteste geographische Kenntnis von Skandinavien // Eranos, Uppsala. Vol. 3, 1898/1899. P. 46–47.

² «Derfra seilede Ottar vidrunt Kolahalvøen til en stor aa, som skilte mellem terfinnes og bjarmernes land. Terfinner er de finner som bor i Ter eller Turja, Lappland. Helt ned til Dvina har finner aldrig bodd. Den elv, som skiller finner og bjarmar, er derfor rimeligvis Warsuga, som i 16. aarh». Norges historie fremstillet for det norske folk. Vol. I–II. / af A. Bugge... [et al.], Kristiania, 1910–17. S. 149. (Перевод – и. М.).

Терский берег на карте «Атласа Маркса» начала XX века простирается от Лумбовского рубежа до реки Варзуги. Из книги «Большой Всемирный настольный атлас Маркса», Маркс А. Ф., 1905 г.

«Перед ними лежала большая река, уходящая дальше вглубь по той земле. Тогда они свернули прямо в ту реку, поскольку не осмелились идти дальше реки той по морю». То есть, по описанию Оттара, река открылась им вытекающей с того же берега, вдоль которого они все время плыли и который все время «был справа». Они свернули в эту реку, не решившись продолжать дальше свое движение по морю. Учитывая географическое положение Северной Двины, все указанное Оттаром к реке Двине никак не подходит.

Безусловно, наиболее подходящей под это описание видится река Варзуга. Это первая очень крупная водная артерия Кольского полуострова, устье которой широко открывается каждому, кто идет вдоль Терского берега с северо-востока.

Оттар описывает, что сразу же за этой рекой, на ее другой стороне открылись поселения биармийцев: «земля та была вся заселена по другому берегу реки». Поселения эти были столь обширны, что дальнейшее продвижение вдоль берега показалось Оттару опасным, ибо могло быть расценено биармийцами как вторжение и «вызвать вражду».

Затем Оттар еще раз подчеркивает, что до этой реки он «не встречал ни одной населенной земли с тех самых пор, как отправился он из своего дома».

Моржи на гравюре голландского картографа Гесселя Герритса, 1613 г.

На всем пути была у них справа по борту земля пустынная». При этом Оттар оговаривается, что пустынными он называет пройденные им земли лишь по сравнению с открытой им территорией биармийцев. «Беармы столь густо населяли землю свою, что они (Оттар и его спутники) не осмелились дальше туда пойти». Тогда как землю терских финнов-лопарей (Terfinna land) они проходили не опасаясь, наблюдая там «рыбаков, охотников и птицеловов, которые все были фин-

ны. Слева же по борту было открытое море». Кстати, с древности и вплоть до середины XX века Терским так и считался берег от Святого Носа (точнее, Лумбовского рубежа) до реки Варзуги.

Таким образом, настойчивое утверждение ряда историков, что Оттар пришел к Северной Двине, противоречит словам самого мореплавателя: «Справа по борту земля пустынная... Слева же по борту было открытое море».

Оттару удалось немного побеседовать с биармийцами; он отметил, что их язык практически един с финским (лопарским). Еще он выторговал «рыбий зуб» – клыки моржей («прекрасные кости»), несколько штук которых он привез королю. Также и шкура моржей была «весьма хороша для корабельных канатов».

Но были и те, кто полагал, что Оттар пришел к Северной Двине. Ученый конца XIX века Г. Геббель, например, считал: «Отер, пройдя Святой Нос, брал курс на юг и обязательно должен был попасть в устье Северной Двины... Причем, Отер вовсе не считает нужным рассказать, почему он пересек горло Белого моря, следуя ли указаниям терфиннов или потому, что он сам усмотрел высокий противоположный Терскому Зимний берег»¹. Уважаемый ученый, как мы видим, не вполне понимает, чем отличается плавание каботажное (то есть вблизи берега) от плавания в открытом море. Оттар все время оговаривает, что идет только вблизи берега и ведет себя очень осторожно. Плавание на Крайнем Севере сопряжено с большим риском по причине непредсказуемо резкой смены погоды, и спасти морехода в этом случае может лишь укрытие в шхерах, бухтах, губах, устьях рек и т. п. Так же и «увидеть» на той стороне Белого моря ничего невозможно, поскольку

даже в самой узкой его части, в горле, ширина Белого моря порядка сорока миль¹. И о том, что Оттар ничего с левого борта не наблюдал, свидетельствуют его слова: «по левой же их руке было открытое море». Если бы Оттар решился (правда, непонятно зачем) идти в это открытое море, он непременно бы об этом упомянул.

Отстаивая «Двинское» нахождение Биармии, открытой Оттаром, другой исследователь, немецкий ученый Г. Вебер², полагал, что устье Двины – «это единственное место, которое обладало огромной притягательной силой для заморских купцов». Нет никаких сомнений в том, что со временем устье Северной Двины станет «местом огромной притягательной силы для заморских купцов», и что в XVI веке, с началом английской торговли на Севере, это место станет широко известным в мире как «порт святого Николая». Но мы-то говорим о временах около 880 года, когда о заморских купцах речи и быть не могло, что и подтверждает отважный Оттар в своем рассказе: «ни один человек не бывал севернее, чем он». Все ставшие в дальнейшем знаменитыми «пути из варяг в греки»³ только-только еще сложились к началу IX века⁴ и вели они лишь к Варяжскому (Балтийскому) морю.

Столь же сомнительным видится утверждение историка о том, что земли устья Двины в то время «были самые доступные для мореходов ворота в страну, богатую драгоценным северным пушным зверем»⁵. Вряд ли столь протяженный и опасный путь из Европы вокруг всей Скандинавии и Кольского полуострова можно назвать «самым доступным для мореходов». Даже шесть столетий спустя, в середине XVI века, норвежские, голландские и датские корабли предпочитали торговать рядом с Варангер-фьордом, в районе Печенги, на мысе Кегор или, в крайнем случае, – в Коле. И лишь волевым усилием царя Иоанна Грозного и большими льготами, дарованными английским купцам, удалось организовать большой торг на Двине, создав «порт святого Николая»⁶.

¹ «В Белом море почти повсеместно преобладает видимость 5–10 миль». Лоция Белого моря. Управление Гидрографической службы ВМФ, 1964.

² Weber Georg. Geschichtsbilder aus verschiedenen Zeitaltern und Nationen. Leipzig, 1883. «Двинское» нахождение Биармии, открытой Оттаром придерживались: российский скандинавист К. Ф. Тиандер, историки С. Ф. Платонов, А. И. Андреев, М. Б. Свердлов.

³ «Путь из Варяг в Греки и из Греков по Днепру». Повесть временных лет. Перевод Д. С. Лихачева.

⁴ Это произошло не позднее 825–830 гг., о чем свидетельствуют находки кладов арабских серебряных монет – «дирхемов» чеканки первой четверти IX века.

⁵ Цит. по: Леонтьев А. И., Леонтьева М. В. Походы норманнов на Русь. М., 2009. С. 27.

⁶ В наше время это район города Северодвинска, где расположен Российский центр атомного подводного судостроения.

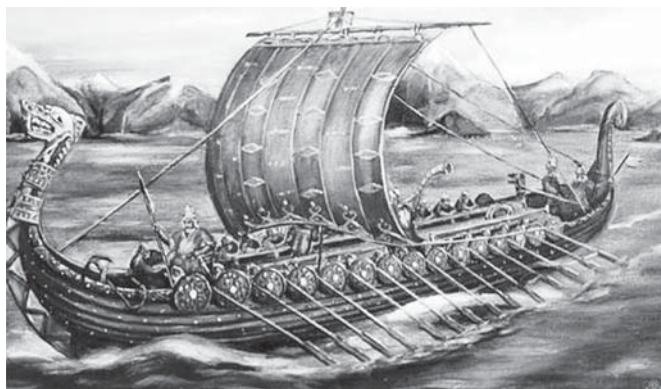
¹ Цит. по: Леонтьев А. И., Леонтьева М. В. Походы норманнов на Русь. М., 2009. С. 26.

Биармия до прихода князя Александра

Много позже последователи Оттара неоднократно повторяют его путь, и, несомненно, дойдут дальше, до усть-двинских земель, где также встретят биармийцев. Надо думать, такими открывателями Двинской Биармии, пошедшими дальше Оттара, были норвежские конунги Эйрик Кровавая Секира (ок. 915 г.) и Харальд Серая Шкура (ок. 965 г.). Но это будет позже. На Руси биармийскому народу будет соответствовать этноним «чудь заволоцкая»¹.

В древней хронике «История Норвегии»², повествуется, что «на северо-восток за Норвегию простираются многочисленные племена», среди которых упоминаются «те и другие бьярмоны». То есть жители Биармии селились в неких двух частях этой страны. Эта двухчастность Биармии упоминается и в «Деяниях датчан» Саксона Грамматика (XII в.). Объясняя эти сведения с привлечением ряда других источников, можно прийти к выводу, что два Биармаланда были разделены Белым морем и Кандалакшским заливом, суммарно охватывая всю западную половину Беломорья между реками Онега и Варзуга»³.

Как замечают исследователи, после этого похода «конунги к путешествиям в Бьярмию охладели». Думается, что их «охладил» союзные новгородцам корелы, решительно утверждавшие российскую власть на этих северных берегах.

Норвежские корабли-дракары.

¹ «Не подвержено никакому сомнению, что бьярмийцы принадлежали к обширному чудскому племени». Стринггольм А. М. Походы викингов, государственное устройство, нравы и обычаи древних скандинавов. Пер. с нем. А. Шемякина. С. 36.

² История норвежских конунгов с древнейших времен до 1115 г. Автор неизвестен. Датируется 1170 годом.

³ Джаксон Т. Н., Мачинский Д. А. Связи Северной Руси и Беломорья в IX–XIII вв. (по данным письменных источников) // Внешняя политика Древней Руси. М., 1988. С. 24–25.

Лопари – терфинны. Рисунок из книги *Olaus Magnus, Gothus. Historia de gentibus septentrionalibus* / Olaus Magnus. Romae, 1555.

Приемы лопарской «боевой магии». Рисунок из книги *Olaus Magnus, Gothus. Historia de gentibus septentrionalibus* / Olaus Magnus. Romae, 1555.

Норвежские саги упоминают, что в 1217 году в Биармию прибыли два судна из Норвегии, однако экипаж одного из этих судов был уничтожен местными жителями. Воины другого судна проследовали далее через Русь в Святую землю, чтобы участвовать в Пятом крестовом походе.

Этот эпизод показывает, что государство биармийцев совсем незадолго до вторжения войск князя Александра Невского достаточно твердо стояло на ногах, уверенно управляя теми обширными северными территориями. Биармы, как видим, не слишком церемонились с самочинными визитерами из соседних стран. Богатство Биармии во многом зиждилось на жесточайшей эксплуатации аборигенов края – терфиннов (лопарей). В лопарских преданиях биармийцы (чудь, чудины)¹ неизменно выступали как самые их злейшие враги, против которых лопари в полной мере старались, и не без успеха, применять все известные им приемы «боевой магии».

¹ «Бьярмийцы были известны на Руси под названием заволоцкой чуди и являлись ответвлением древних вепсов (веси)». Цит. по: Пименов В. В. Вепсы. М. – Л., 1965. С. 167.

Жестокая расправа. Рисунок из книги *Olaus Magnus, Gothus. Historia de gentibus septentrionalibus* / Olaus Magnus. Romae, 1555.

Спустя пять лет, в 1222 году, король Норвегии Хакон IV Старый (которому в это время ему было всего 18 лет) для отмщения за погибших рыцарей-крестоносцев направил в Биармию четыре больших судна с дружиной с повелением покарать язычников. Покарать удалось на славу. «Мечом и огнем опустошили они Бьярмию и сделали богатую добычу, состоявшую особенно из серебряных монет и дорогих мехов»¹.

Шведский историк Стрингольм пишет, что «после этого Бьярмия перестала упоминаться в скандинавских источниках», но, заметим, это произошло вовсе не по причине того визита «четырех больших судов» короля Хоккона Хоконссона. Новгородская Русь была вынуждена внимательно взглянуть на богатства этого Кольского края, ибо как раз тогда, как мы уже упоминали выше, иная страшная сила вышла на геополитическое пространство Европы. В 1236 году невиданное по тем временам войско хана Батыя вступило на Русскую землю.

Александр Невский – покоритель Биармии

Еще до монголо-татарского вторжения на Русь на Крайнем Севере сложилась практика сбора дани с лопарей, главным звеном-посредником которой стал народ корела (кирьялы). Будучи еще языческой, корела, тем не менее, оказалась чрезвычайно активным помощником Новгородской Руси в ее продвижении на Крайний Север. Именно с появлением корелы на Кольском Севере связаны первые сообщения о Лопской земле в норвежских источниках середины XIII века – Исландских анналах. Корелы, как поданные русского князя, в это время объявились в Лопарской тундре, в той ее части, которая «считалась норвежской», и стали нападать на данщиков короля, отбирая собранную с лопарей дань. «В норвежской части тундры наступило “немирье”»¹.

Называя земли Лапландии «норвежской частью тундры», уважаемый историк имеет в виду Финмарк², территорию, протянувшуюся на запад от Кольского залива к Варяжскому заливу (Varanger fjord)³ и до самой северной в то время провинции Норвегии – Галогаланда (район нынешнего Тромсе). Однако следует возразить – факт сбора дани с лопарей в этой части Лапландии королевскими «фогтами» не является достаточным основанием для того, чтобы объявлять сами земли норвежскими. Именно эти возражения правившего тогда в Новгороде великого князя Александра Ярославича были решительно продемонстрированы «детьми корельскими» в жестоких стычках с норвежскими сборщиками дани.

Надо сказать, что здесь имело место древнее противостояние народа корелы с норвежскими квенами («нынешними хельсингами шведскими»). Об этом упоминает под 877 годом в своей «Истории Норвегии» средневековый историк Т. Торфей⁴.

Потребности Руси в дани, собираемой с северных народов в виде меха («мягкой рухляди»), до определенного момента вполне удовлетворялись

¹ Шаскольский И. П. Сведения об истории Руси в X–XIV вв. в Исландских анналах // ВИД. СПб., 1994. Т. 25. С. 231.

² Finmarken – «финское поле». Финнами норвежцы называли лопарей. «Маркен» – та самая пустынная «мархия», упоминаемая в древней рунной грамоте о границах.

³ Варяжский залив (Varanger fjord – норв.). Варяги, варанги (греч. Βάρανγοι, др.-исл. Vaeringjar) – профессиональные воины, выходцы из Балтийского региона и Скандинавии, служившие наемниками в Древнерусском государстве (IX–XII вв.) и Византии (XI–XIII вв.). В источниках середины XI века «варанги» и «русь» воспринимаются как синонимы.

⁴ Бутков П. Три древних договора // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1837. Ч. 23–24. № 1–6. С. 550.

¹ Стрингольм Андерс Магнус. Походы викингов, государственное устройство, нравы и обычаи древних скандинавов. М., 2002. Перевод с нем. яз. А. Шемякина. С. 36.

Западная (норвежская) часть Финмаркена. Рисунок XVII века из книги: *Lilienskiolds Speculumboreale* // *Finnmarkomkring 1700*: *Nordnorske samlinger utgitt av Etnografiskmuseum*. Bd. IV. 2–4 hefte. Forstebind. Oslo 1942–1943. Annenbind. Oslo, 1943.

на обширных лесных территориях Заволочья, Перми и волости Тре. Однако с 1237 года ситуация стала меняться радикальным образом. Огромная монгольская империя, простиравшаяся от Пекина до Волги, жестоко привела в подданство русские княжества и заявила о своих потребностях в северных мехах.

Таким образом, именно в середине XIII века стало очевидным, что прежняя политика Новгородского государства в отношении Крайнего Севера больше не отвечает ситуации, возникшей на Руси вследствие монголо-татарского нашествия в 1237–1241 годах. Можно уверенно утверждать, что именно жесткие условия политической и даннической зависимости русских княжеств от монголо-татарских ханов Золотой Орды подвинули российские власти на решительные действия по освоению и, более того, присоединению территории Крайнего Севера к русским землям. И если о роли и значении «монголо-татарского ига» в истории становления Российского государства у историков существуют, прямо скажем, противоположные мнения, то положительная роль «ига» как силы, стимулировавшей прирастание Руси Крайним Севером, очевидна.

Колопермь

Новгородский князь Александр Ярославич скончался в 1263 году в одной из своих Новгородских волостей – в Городце. Через год, в 1264 году был заключен договор между Новгородом Великим и Тверским князем, в котором были перечислены новгородские владения, оставшиеся после кончины Александра Невского: «А се волости новгородские: Бежиче, Городец, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Колопермь, Тре, Перемь, Югра, Печера»¹. В этом списке, исключая Заволочье (земли за «волоками», то есть в бассейнах Северной Двины и Онеги), к рассматриваемому нами Кольскому Северу относятся крайние северо-западные территории Великого Новгорода – «Колопермь». Это – земли как бассейна реки Колы, так и территории на запад от «великой реки Колы» (Кольского залива), территория, по-норвежски называемая Финмаркен. Далее перечень описывает земли на восток и указана область Тре – это Терский наволок (Кольский полуостров, в наибольшей степени – его восточная часть и южное побережье: Терский берег). Указанные далее на восток земли Крайнего Севера – «Перемь, Югра, Печера» – это уже за Белым морем, к Уральским горам².

Надо заметить, что в советской исторической науке наблюдалась тенденция к некоему умалению степени российского присутствия на Крайнем Севере в древности; видимо, так было проще «показать гнилость и бессилие» (В. И. Ленин) России в досоветское время. Так, справедливо замечая, что упоминание в грамоте названия «Колопермь» не может служить основанием для признания 1264 года временем основания Колы, уважаемый автор отрицает и саму возможность существования в то время территориального понятия «Колопермь»³ как новгородской волости. Хотя не подлежит сомнению, что, согласно «Разграничительной грамоте» 1257 года, «дан-

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. С. 9. № 1 (1264 г.).

² Вершинин Е. В. Пермь Великая. Как Москва пришла на Урал / Журнал «Родина». М., 2001. № 11.

³ В «Кольской энциклопедии» на с. 30 утверждается: «Ушаков И. Ф. и Шаскольский И. П. доказали, что «Колопермь» означает ближнюю, или малую, вычегодскую Пермь». Следует заметить, что каких-либо доказательств приведено не было. Было лишь высказано предположение: «первая часть слова «Колопермь» означало, по-видимому, ближнюю, или малую, вычегодскую Пермь в отличие от Перми Великой, но была понята как Кола». Ушаков И. Ф. Кольский острог (1583–1854). Военно-исторический очерк. Мурманск, 1960. Прим. 1. Однако возразим: нет прецедента употребления в древнеславянском языке слова «коло» вместо «около». См. «Окольный» – близкий, «окольный» – близкий к особе Великого князя и т. п. Приводимые отдельными авторами топонимические примеры, такие как «Кологрив», «Колояр», с объяснениями «около гривы», «около яра» – исторически несостоятельны. Кологрив – жеребец с густой, косматой гривой, что и отражено в гербе города; Колояр – древнеславянское имя, означающее «Колесо Ярилы», или, иносказательно, – «Весеннее Солнце».

ники конунга Александра [Невского. – и. М.] из Хольмгарда [Новгорода]» собирали дань не только в районе Кольского залива, но и во всем норвежском Финмаркене¹.

Появление этой новгородской территории, волости с названием Колопермь (правда, на незначительное время), есть следствие тех самых полярных походов князя Александра, когда он «тревожил пределы Норвегии». Ими и объясняется тот вызывающий недоумение у историков известный факт бегства жителей Перми и просьбы к норвежскому королю о принятии их под свою защиту на территории Норвегии. Это те события середины XIII века, когда «Норвежский король Гокан принимал дружески бежавших Пермлян»² (хотя, конечно, речь идет не о собственно пермяках, а о биармийцах).

¹ Кааран А. К истории русского Севера: Русско-норвежские отношения // Известия Арх. Общества изучения Русского севера. Архангельск, 1910. № 11. С. 28.

² Олоф Далин. История Шведского государства. СПб., 1805. С. 263. Прим. III.

Если не принять этого факта, будет непонятно, откуда, собственно, могли бежать в Норвегию «пермяне»-«бирмийцы». Уж точно не из тех мест

Обозначение волости Пермь на карте английского купца Антония Дженкинсона 1562 года. Из книги *Russiae, Moscoviae et Tartariae descriptio* Auctore Jenkinson Anglo, edita Londini anno 1562.

Перми, вдали от Кольского Севера и Финмаркена, где традиционно селились «пермяки». Именно этим вторжением новгородских дружин с приданными отрядами татар окончательно завершилась история древней Биармии (или легендарной заполярной чуди). Земли Кольского полуострова на запад от реки Варзуги и далее через Кольский залив до Варангер-фьода были освобождены от биармийцев. Дань терфиннов-лопарей стала через корельских данщиков поступать непосредственно в Новгород.

Что касается новгородской волости Пермь, то, еще раз подчеркнем, ее территории к Кольскому полуострову отношения не имеют. Где именно находилась Пермь и пермяне, можно узнать, прочитав древнюю грамоту: «А что Важка¹, – то исконное место великого князя Вычегодское – пермяки»².

О том, что древняя Биармия существовала не где-нибудь, а именно на Кольском полуострове, там, где она и означена на древних картах, писали многие ученые: «Под Биармией всегда понимался весьма обширный район Севера. Тщательное исследование карт XVI века, при составлении которых использовались более старые источники, показало, что Биармией чаще всего называли Кольский полуостров». Или: «На основании достоверных саг и пяти географических свидетельств, необходимо поместить ее (Биармию) близко от Варангерского залива, может быть близ нашей теперешней Колы или немного западнее»³. «Славу о былом богатстве Северо-Двинского края в средневековье нужно признать чистым недоразумением, здесь на Северной Двине не было никакой Биармии, ни биармийской культуры»⁴.

¹ Река Важка – приток реки Мезени, река Вычегда – Северной Двины.

² Волости великого князя Двинские (1563 г.) // Архангельский Север в документах истории. Архангельск, 2004. С. 51.

³ Кузнецов Степан Кирович – историк, этнограф и археолог (1854–1913). К вопросу о Биармии // Этнографическое обозрение. М., 1905. Кн. 115–116. № 2–3. С. 54–55.

⁴ Кузнецов. С. 59.

Договор с Норвегией и раздел земель

Будучи дипломатом и имея давние добрые связи с норвежскими конунгами, князь Александр Ярославич вовсе не желал обрести еще один район военного противостояния на Севере Руси. Достаточно было немецких и литовских притязаний и шведских амбиций на балтийских берегах. Потому одновременно с покорением Биармийских земель Александр предпринимает учтивые дипломатические шаги в отношении Норвежского королевства. «Той зимой, когда конунг Хакон сидел в Трандхейме, прибыли с востока из Гардарики [Киевская Русь. – и. М.] послы конунга Александра [Невского. – и. М.] из Хольмгарда [Новгорода. – и. М.]. Жаловались они на то, что нападают друг на друга сборщики дани на севере в Финмаркене и что они постоянно ведут войну с грабежами и убийствами»¹.

В результате «установили они тогда мир между собой и своими данническими землями»; то есть в Новгороде был заключен русско-норвежский мирный договор, урегулировавший на короткое время положение в Финмарке. (Частью этого древнейшего договора явилась так называемая «Разграничительная грамота». Заметим, что ситуация, описываемая в той «Разграничительной грамоте», была абсолютно точно скопирована семьдесят лет спустя в договоре между Россией и Швецией, заключенном в Ореховце в 1323 году, что и позволяет утверждать: «Данный документ ... является частью первого договора между Новгородом и Норвегией, заключенного в 1251 году»².)

Действия, предпринятые великим князем Александром Ярославичем на Крайнем Севере, привели к принятию важнейших для будущей истории страны договоренностей между Россией и Норвегией, зафиксированных в «Разграничительной грамоте» и договоре. В частности, в последнем оговаривалось, что старые границы «должны быть восстановлены». Договор, однако, оставлял норвежскому королю право устанавливать рубежи по его совести, пока не приедут русские послы; после чего они вместе зафиксируют границы: «Также, когда послы из Новгорода придут к королю Норвегии, они должны разделить земли соответственно старым границам и размежеваниям земель, по крестному целованию, так, чтобы каждый владел

Получение дани. Рисунок из книги *Olaus Magnus, Gothus. Historia de gentibus septentrionalibus* / Olaus Magnus. Romae, 1555.

своей землей. Но это размежевание земли передаем Богу и королю Норвегии, чтобы он его провел по своей совести»¹.

При всех этих учтивых формулировках, после того как Александр Невский объявил земли Финмаркена Новгородской волостью Колопермь, территория эта стала местом активного российского доминирования. Подвластные Новгороду корелы непрерывно вытесняли норвежских сборщиков дани из Финмаркена, который отныне назывался Колопермь. Летописи сохранили ясные свидетельства этой активности, регулярно захлестывавшей даже и северные окраины норвежского Галогаланда. Так, например «в 1271 году корелы сделали нападение на Галогаланд.., в 1278 году карелы напали на норвежских сборщиков дани в Финмаркене и убили 35 человек.., в 1316 году карелы уже вместе с новгородцами вторглись в Норвегию»². Обстановка была столь напряженной, что «жители Галогаланда стали впервые держать в гаванях постоянно снаряженные суда “для охраны с востока”»³.

Можно привести и иное норвежское косвенное свидетельство военной активности россиян на севере Норвегии уже в XII веке. В знаменитой «Гуладингской Правде», основанной на древних установлениях хёвдингов, содержится инструкция о порядке извещения о нападении с моря с использованием сигнальных маяков. «Если ожидается военное вторжение в нашу страну, люди должны нести вахтенную службу на маяке. Вахтенные должны засветить маяк, когда увидят три военных корабля и более. Служба на самом

¹ Тордарсон, Стурла. «Сага о Хаконе, сыне Хакона». 1265 г. (Flateyjarbok/ S. Nordal. Akranes, 1944–1945. В. III. Bl. 537).

² Янин В. А. Новгородские акты XII–XV вв. М., 1991. С. 82.

¹ Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. М., 1945. Т. 14. С. 45.

² Кааран А. К истории русского Севера: Русско-норвежские отношения // Известия Арх. Общества изучения Русского севера. Архангельск, 1910. № 11. С. 27.

³ Кааран А. К истории русского Севера: Русско-норвежские отношения // Известия Арх. Общества изучения Русского севера. Архангельск, 1910. № 11. С. 27.

северном маяке оценивается в тринадцать марок серебром, а также на ближайшем к нему маяке, **если войско ожидается с севера**, и так повсюду, где вероятнее всего может появиться войско»¹. Естественно полагать, что войско, идущее с севера на кораблях к берегам Норвегии, вряд ли могло быть лопарского происхождения.

Столь активное утверждение новгородской, то есть православной, даннической власти на северных территориях вблизи одной из католических стран не могло не вызвать беспокойства у Папского престола. Папа Иоанн XXIII писал «о своей скорби от того, что русские и карелы опустошают Норвегию, грабят и убивают». В 1323 году в очередном послании Папа отмечал, что эти «язычники, называемые финнами, совершают насилие в норвежском государстве»². Из приведенных слов можно видеть, во-первых, что коренное население края – лопари-терфинны – в этих спорах порой занимало российскую сторону. Во-вторых, следует возразить по сути папского утверждения и заметить, что «норвежское государство» упомянуто здесь неправомерно, поскольку речь идет о территориях, никогда Норвегии не принадлежавших, но завоеванных князем Александром Ярославичем у биармийцев в 1251 году.

Так или иначе, но мы ясно видим, что со второй половины XIII века и до начала XIV века территория Колоперми (Финмаркена) считалась русской и уверенно контролировалась новгородцами и карелами, как и положено с точки зрения Новгородской волости.

Последний раз Колопёрмь (Голопёрмь) упоминается в 1304 году в грамоте Новгорода Тверскому великому князю Михаилу Ярославичу. И вновь перечень новгородских северных волостей следует строго с запада на восток: «Голопёрмь, Тьре, Пермь, Печера, Югра»³. После этого года волость Колопёрмь исчезает из перечня земель, принадлежащих Великому Новгороду.

Причина утраты Новгородом этой территории как своей волости и исчезновение из летописного лексикона названия Колопёрмь, надо полагать, состоит в том «размене», который был проведен с Новгородом «королем Норвегии, Швеции и Готов» Магнусом VII при заключении договора 1326 года «о вечном мире сроком на 10 лет», зафиксированном в «Разграничительной (Рунной) грамоте». Новгород возвращал статус двоеданных

- 1 – корельский погост Варзуги (нынешнее село Варзуга); 2 – корельский Никольский монастырь (будущий Северодвинск); 3 – Михайлов монастырь (будущий Архангельск), основан в XII веке;
- 4 – городище Орлец (ныне дер. Орлецы на Двине), основан в 1342 году; 5 – приток р. Умбы – р. Вяла (Vela) – граница сбора дани Норвегией; 6 – река Па – северная граница русских территорий;
- 7 – норвежское селение Lungstugen – крайний населенный пункт сбора дани русскими; 8 – река Моеле, сейчас Муонизьвен – естественная граница сбора дани русскими; 9 – селение Тромсе, первое упоминание в 1242 году. Центр самого северного в то время района Норвегии – Галогаланда; 10 – селение Варде (1307 год) и крепость Vardohus (по-поморски Варгав) на западном берегу залива Варангер-фьорд (по-поморски Варенг); 11 – шведская крепость Оулу (по-русски – Овлауи) в Восточной Ботнии (Остерботнии). Поставлена в 1375 году в нарушение договора 1323 года; 12 – место шведской крепости Нишлот (Olofsborg), будет поставлена в 1475 году; 13 – шведская крепость Выборг (осн. в 1293 году); 14 – река Турнеэльвен (швед. Torneälven, фин. Torniojoki), историческая граница Норвегии в Норботнии; 15 – русская крепость Кексгольм (осн. шведами в 1293 году) в древнем корельском поселении Корела (нынешний Приозерск); 16 – Соловецкие острова (первое упоминание о монастыре в 1449 году); 17 – место впадения реки Сестры (Siestarjoki) в Финский залив – начальная точка границы со Швецией; 18 – место впадения реки Пюхайоки (Pihajoki) в Ботнический залив – конечная точка границы со Швецией; 19 – озеро Сайма (Saimaa) – один из ориентиров границы со Швецией; 20 – озеро Энаре (Inari, Enare) – пограничный рубеж Норвегии и Новгорода.

¹ О защите страны. / Законы Гулатинга в редакции короля Магнуса Исправителя Законов 1274 г. Перевод и примечания: М. В. Панкратова. Институт Всеобщей Истории РАН.

² P. F. Suhm, Udtog af Danmarks, Norges og Holsteins historie. Copenhagen, V. XII, 1776. P. 82.

³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.-Л., 1949. С. 17.

территорий землям, захваченным Александром Невским в районе Кольского залива (Колоперемь), при условии возвращения Норвегии к своим прежним границам («древним означениям и рубежам»), то есть в район реки Паз. О том свидетельствует текст договора в переводе с латыни: «Если норвежцы в течение последних лет перешли древнее означение или рубеж земель, то должны оставить и отдать русским их землю, по крестному целованию»¹.

Соответственно, и собственные границы Новгородских земель на Кольском полуострове «не должны переходить древнее означение и рубеж земель» и вновь возвращались на рубеж реки Вялы, что протекает близ Умбы. Таким образом, болезненная проблема так называемого общего Северного дистрикта была разрешена: он вновь был открыт для мирного совместного сбора дани с саамов и простирался от Белого моря до города Тромсе, занимая всю русскую Лапландию, шведский Лапмаркен и весь норвежский Финмарк². В то же время земли Тре (восточная часть Кольского полуострова) от Умбы до Святого Носа стали безусловными русскими вотчинами в составе Новгородской республики.

Но эти решения окончательно были сформулированы лишь к 1326 году – при заключении Ореховского мирного договора. Таким образом, можно утверждать, что в период с 1251 по 1326 годы земли в районе Кольского залива и далее на запад от древнего саамского Муномашского погоста на Коле числились, под названием Колоперемь, русскими владениями в составе Новгородской республики.

Система сбора дани князя Александра

Освободив земли Кольского Севера от всевластия биармийцев, паразитировавших на саамах-лопарях, великий князь Александр Невский должен был после установить систему сбора дани на этих новых территориях. «Дикая лопь», населявшая эти бескрайние просторы Великой Лапландии, имела одну очень важную особенность: в отличие от иных малых северных народов, живущих выпасом оленьих стад, лопари свои стада не пасли. Они просто жили вместе со стадом. То есть лопарский сийт, как некая территориальная община, следовал вместе со стадом оленей в соответствии с его природными сезонными миграциями, невзирая на государственные границы. Потому, если не выработать строгий временной и территориальный порядок сбора дани, кочующие с оленями лопарские семьи можно было искать очень долго и далеко.

Надо полагать, что князь Александр Невский устанавливал систему сбора дани с лопарских погостов не «с чистого листа». Государство биармийцев должно было уже иметь сложившуюся систему сбора дани. И, безусловно, на пограничной реке Варзуге такой центр сбора уже существовал. Если мы присмотримся к названиям, сохранившимся на старинных картах в районе нынешней Варзуги, то рядом с надписью «Warziga» увидим селение «Biamzar». Что значит это слово, можно лишь предположить. Может –

Надпись Biamzar на карте Московии голландца Г. Герритса, 1613 г. По автографу царевича Феодора Годунова.

Надпись Biamzar на английской карте Адриана Вина (Adrianus Veno Aurelius), 1600 г.

¹ «Item si Norici transgressi sunt antiquam terrarium signationem vel divisionem istis annis, debent dimittere ac reddere Rutenis terram suam per osculationem cruces» (лат.). Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М. – Л., 1949. С. 69.

² Об этих рубежах см.: Norges gamle Love III. Christiania, 1849. S. 152–53; Sverges traktater. I. Stockholm, 1877. S. 506–507.

На карте Г. Меркатора 1598 года город Норденборг по-прежнему находится в устье Кандалакшской губы, и от него идет водный путь во внутренние большие озера (нынешние Имандры), на всех картах того времени обозначенные как Lacus Albus.

Обозначение города Nordenburgh в устье Кандалакшской губы. Карта «Новая Европа», Герхард Меркатор, 1630 г.

«царь Биармии»? Одно несомненно – у Биармийской страны должна была иметься столица.

Западным пунктом сбора дани можно определить устье реки Кандалакши (см. карту 1905 г.), которое к нынешнему месту расположения города Кандалакша отношения не имеет. Ныне Кандалакша – совсем болотистая речушка, впадающая в губу Канда, сохранившая, однако, свою древнюю водную связь с Вадозером и далее с Бабинской Имандрой. В устье этой речки, на берегу залива Канда, находился упоминаемый на древних картах Nordenburgh – административный центр сбора дани с западной территории края. Река Нива – городская водная артерия современной Кандалакши, для водного пути была непригодна из-за своей бурности и порожистости. Попутно заметим, что на старых картах на восточном берегу Lacus Albus (система озер Имандры) часто обозначается некий Starigur (Старый город). Возможно, здесь было древнее поселение биармийцев: либо в районе нынешнего г. Апатиты, либо в районе нынешних лопарских погостов Ловозера-Ревды.

Места выбора пунктов, куда свозилось и где временно хранилось большое количество пушнины, диктовала задача обеспечить успех сбора дани со столь огромных территорий.

Вопрос организации сбора дани для князей того времени, да и для любой формы государственной власти, всегда был наиважнейшим. Успешность его решения напрямую определяла военную мощь и иные возможности государства. Так, например, в 947 году княгиня Ольга, входя во власть после известной расправы с древлянами, в первую очередь побывала на Севере Руси, в новгородских и псковских землях, где назначила «уроки» (оброк, подать), установив систему «погостов». Мы не знаем, до каких пределов простирались тогда на север новгородские погосты. Но эти административные единицы стали центрами торговли и обмена, в которых упорядоченно происходил сбор податей: «и оустави погосты и дань, и по лузе погосты и дань и оброки». Впоследствии в первую очередь именно по этим погостам стали строить храмы.

Во всяком случае, судя по тому, что летописи 1216 года донесли нам имя сборщика дани с земли Тре – некоего «Съмьюна Петриловица, търского даньника»¹, (то есть «Терского даньщика Симеона Петриловича»), можно быть уверенным, что на Терском берегу такая система сбора в те времена уже существовала и был обозначен какой-то центр сбора дани. Сам факт, что в летописи, в рассказе о масштабном сражении на берегу реки Липицы близ Юрьева-Польского, сборщик дани упомянут особо, да еще по имени-отчеству, свидетельствует о его исключительно высоком статусе.

Земли терфиннов, как мы помним, в те времена начинались с левого, восточного берега Варзуги (изначально – Варзига)². С этого рубежа и начиналось движение даньщиков по всему Кольскому полуострову. Особый статус поселения на Варзуге можно отметить по многим историческим признакам. О нем свидетельствует, например, известный поход «мурманов» 1419 года, когда «500 человек на бусах и шнеках» проделали путь в 2 тыс. километров, чтобы «повоевать в Варзуги погост Корильский»³. Очевидно, этот «погост» интересовал «мурманов» именно как особо богатое поселение, вероятнее всего – место сбора дани. В поддержку этого предположения также можно привести данные последних археологических исследований, показавших, что в Варзуге существовало средневековое городище, уничтожен-

¹ ПСРА. Т. IV. Ч. I. Издание 1-е. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848. С. 126.

² «Варзуга, Варзига – это Варси-йоки или стебель-река, ствол-река, т.е. река как ось, по обеим сторонам которой и селились люди... Во многих названиях древних рек Севера, которые уже и не считаются финно-угорскими, сохранился суффикс – «га», восходящий к финскому «joki» – река: Мга, Печенга, Йоканьга и др.». Миловидова О. В. «Вначале был север... Этимология топонимики Кольского полуострова» // «Север и История». Четвертые Феодоритовские чтения. Мурманск – СПб., 2012. С. 148.

³ Первый новгородский летописный свод за 1419 год. Полное собрание русских летописей. Т. 3. С. 108.

Действия скандинавов против москвитов. Рисунок из книги *Olaus Magnus, Gothus. Historia de gentibus septentrionalibus* / Olaus Magnus. Romae, 1555.

ное в 1419 году, и что первая Никольская церковь на восточном берегу реки была построена около 1325 года.

Предыстория похода мурманов такова. В начале XV века противостояние Новгорода с королевством Кальмарской унии¹ значительно возросло. В 1411 году шведы совершали вылазки в новгородские земли особо интенсивно, в этом году они уничтожили в Карелии крепость Тиверский городок (фин. Tiurinlinna).

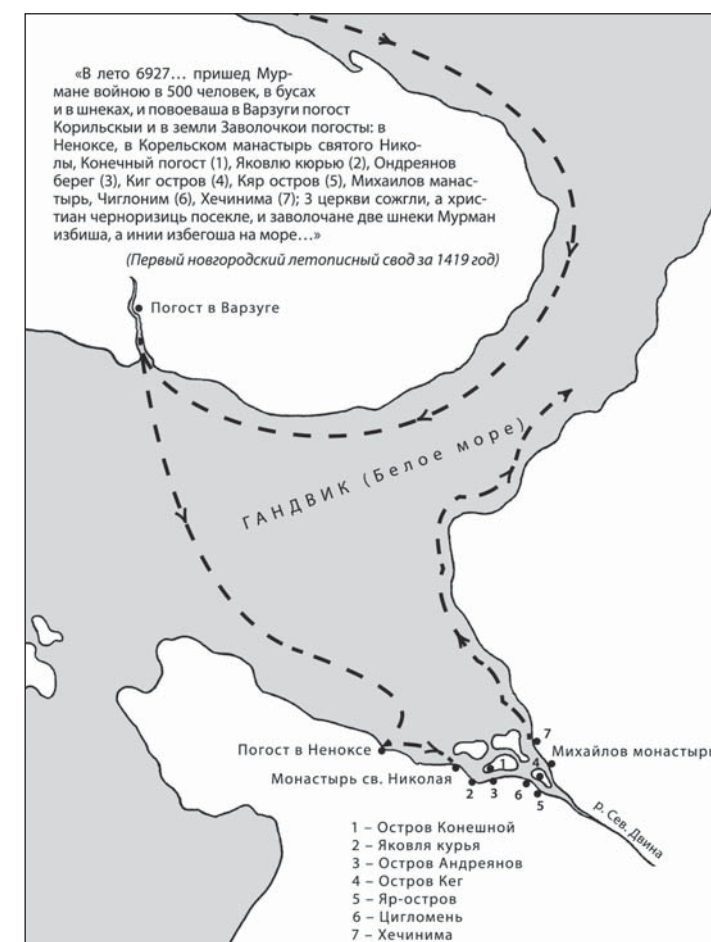
Новгородский ответ не замедлил себя ждать. Шведское поселение Выборг было разорено и сожжено, хотя сама крепость устояла. Одновременно с действием главных сил у Выборга еще один удар был нанесен на севере – «ходиша из Заволочья войною на Мурмане новгородским повелением, а воевода Яков Степанович, посадник Двинский. И повоеваши их»².

Следствием этого военного похода Якова Степановича в Северную Норвегию и явился ответный поход «мурманов» на Варзугу и иные селения Беломорья в 1419 году. Прямое указание на этот факт содержит документ, составленный теми самыми «мурманами» вскоре после похода 1419 года. Это послание, направленное жителями Галогаланда³ в 1420 году

¹ В 1397 году Швеция, Дания и Норвегия объединились в так называемую Кальмарскую унию; был коронован единый король трех скандинавских стран – Эрик Померанский (правил до 1442 года).

² Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. Изд. Академии Наук СССР. М.-Л., 1950. С. 399. Надо сказать, что вскоре, в 1415 году, новгородцы совершили еще один серьезный поход в шведские земли в северной части Ботнического залива.

³ Галогаланд (Haalogaland) – в то время самый северный регион Норвегии. Теперь таковым является провинция Финмарк (Finnmark) с административным центром Вадсе.

Последовательность действий отряда кораблей «мурманов» в Белом море при нападении на русские поселения в 1419 году.

норвежскому королю Эрику Померанскому: «Вследствие бедности мы не можем без Божьей и Вашей милости защищаться от обид, которые наносят нам русские и язычники, причинив и продолжая причинять нам большое зло. Они не хотят жить с нами в мире и, несмотря на заключенный мир, они перебили народу нашего, увели в плен женщин и причинили много зла. Но, надеясь на Бога, Ваш бедный народ отомстил за это зло»¹.

Нет сомнений в том, что в те времена главной движущей силой всех подобных походов с обеих сторон было желание обогатиться за счет грабежа.

¹ Chr. C. A. Lange og Carl R. Unger. Diplomatarium Norvegicum. Oldbreve. Christiania, 1849. № 670. S. 483. Кааран А. К истории Русского Севера. С. 31.

Маршрут движения отряда кораблей норвежцев при нападении на русские селения в 1419 г.

И самым удачным предприятием считалось то, в ходе которого удавалось захватить казну или собранный к определенному сроку годовой налог или дань. В этом смысле, например, поход новгородцев 1318 года в г. Турку, тогдашнюю столицу Финляндии («город сумьского князя») и город правящего епископа («пискупль»), можно признать исключительно удачным¹. Есть предположение, что тогда «был захвачен церковный налог Ватикана, собиравшийся в течение 5 лет».

Спустя 100 лет с аналогичной целью – «сорвать банк», похитить всю лопарскую дань Кольского полуострова – был спланирован и поход «мурманов» в Варзугу в 1419 году.

¹ «В лето 6826 [1318]. Ходиша новгородци войною за море, в Полную реку [р. Аурайоки. – и. М.], и много воеваша, и взяша Людеревъ [г. Або, ныне Турку. – и. М.] город сумьского князя и пискупль; и придоша в Новъгород вси здорови». Летописец новгородский. Синодальный список. М., 1819. Л. 161.

Московские великие князья и сбор дани

В наше время российские ученые обнаружили несколько не известных ранее грамот великого князя Василия III, составленных в июле 1517 года. Эти грамоты хранятся в архивах Норвегии и Дании. По своему содержанию документы являются «наказными памятями», то есть инструкциями сборщикам царской дани на Крайнем Севере Руси. Документы дошли до нас в переводе на датский язык.

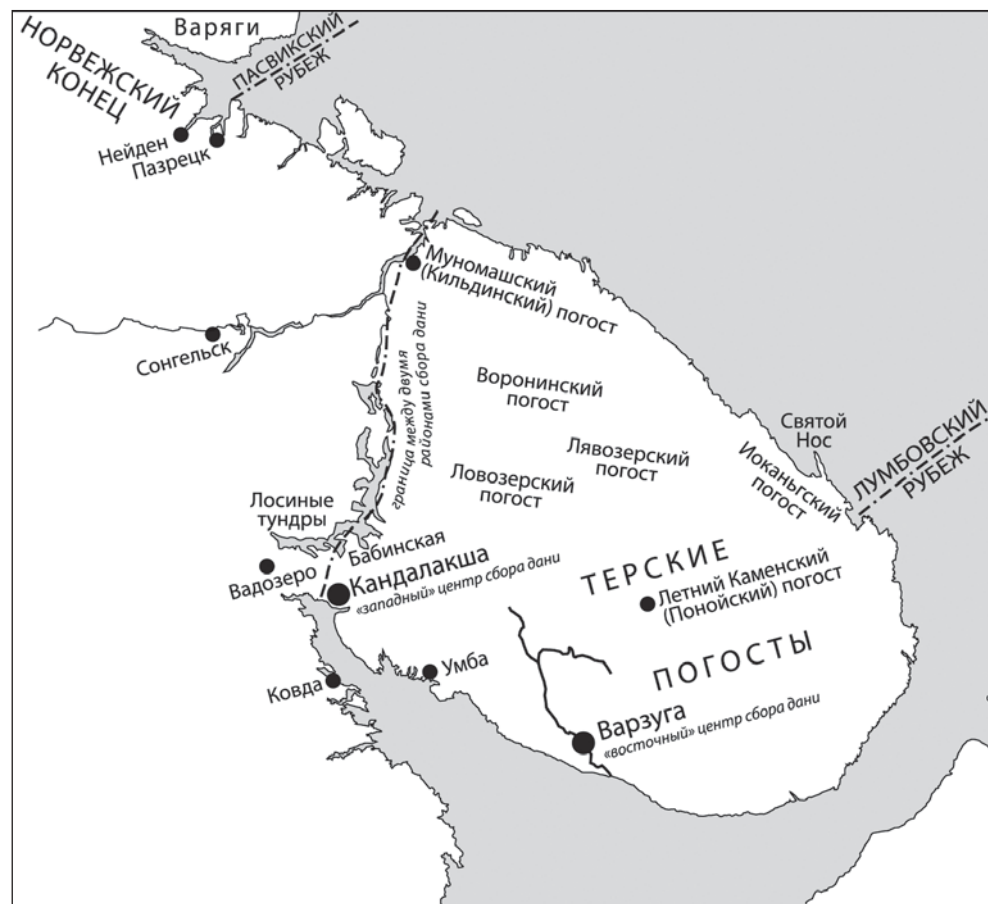
Главная организационная идея, заложенная в этих «памятях», состоит в подтверждении прежнего, со времен Александра Невского установленного порядка сбора дани на Крайнем Севере Руси. Вся данническая территория разделена на две части по линии Кольский залив – Умба. Первая часть это Восточная Лапландия – весь Кольский полуостров, а вторая часть – Западная Лапландия до залива Варангов и далее «в Норвежский конец». Соответственно, и центрами сбора дани вновь утверждаются – Варзуга (восточное направление) и Кандалакша (западное направление).

Что касается самой «Инструкции великого князя его фогтам», то прежде всего Василий III обращается к своим подданным: «Я, всемогущий господин Василий, Царь, Великий князь всех русских, всемилостивейше повелеваю моим лопарям, что когда наш сборщик дани прибудет к ним в Лапландию, предоставит ему нашу дань».

Что касается порядка сбора дани, то те подробности, которые указаны в документе, и сегодня вызывают уважение историков к столь высокому уровню управления, что демонстрируют московские власти в отношении весьма отдаленных земель¹. Маршрут сборщиков дани («фогтов») в западной части Лапландии следующий: «один из наших сборщиков отправится в Konddax [в Кандалакшу (центр сбора дани). – и. М.], и в Babenitz [в Бабинский погост. – и. М.], в Losett – в Songjeld [Лосиные тундры (?) и Сонгельский погост. – и. М.], и в Pazankov [Пасвик. – и. М.], в Neiden [Нейден, Нявдема. – и. М.]. В верхнюю (offerste) Niadrie – в Biochi [верховья р. Неден, т.е. к озеру Инари². – и. М.], в Варяги [полуостров Варангер. – и. М.] и в Норвежский конец [в Галогаланд. – и. М.]. И должен пробыть там до весны, и из Норвежского поселения [из Галогаланда, в районе нынешнего Тромсе. –

¹ «Поскольку грамоты явно составлялись в Москве, поразительно, что в начале XVI в. в столичных правительственных учреждениях имелись столь подробные сведения об этих отдаленных регионах». Грамоты великого князя Василия III. С. 128.

² Ниже в тексте документа указывается прямо, что из «Wariagi» возвращаться «к озеру Инаре».

Древний порядок и пункты сбора дани на Крайнем Севере, подтвержденные Царской грамотой 1517 года.

и. М.] он должен снова вернуться в Variagi [в Варангер фьорд, в «Wariagiske погост». – и. М.], а оттуда в Москву (?) [явная ошибка редакторов. – и. М.], и в Minemetas [возможно, Мальмус (Кола) или Муномаш. – и. М.], и, далее, в Vadoser [озеро Вад или Вадозеро, из которого вытекает река Кандалакша. – и. М.]».

Что касается сборщика дани в восточной части Лапландии, то «он должен прибыть в Varsugurchi [в Варзугу (центр сбора дани). – и. М.], и к Терскому погосту [точнее – погостам. – и. М.], и к Lochosser [к Ловозеру. – и. М.], и к Koldai [к Ковде. – и. М.], и в Ombay [в Умбу. – и. М.]».

По времени сбора также даны конкретные указания. Самым удобным временем для посещения лопарских погостов на Крайнем Севере была

зима. Все передвижения осуществлялись на оленях, запряженных в сани-ке-режи. Завершить этот этап сбора дани было необходимо, добравшись «в Норвежский конец, и прибыв туда к весне». Из «Норвежского конца» данщик «должен вернуться ко дню Ивана Купалы [ко дню Рождества Иоанна Предтечи, 7 июля. – и. М.] назад в Variagi [некий погост на западном берегу Варангер-фьорда, возможно, Вадсе (Васин). – и. М.] и следовать до Munchemo [Монче-тундра. – и. М.] и в Momonas [через Муномашский погост – Кольский залив, р. Роста. – и. М.]».

Организационные указания по сбору с восточной части Лапландии также предельно обстоятельны. Сборщика с командой «терские лапландцы должны встретить в Varsugi, и дать ему для провозу 15 оленей»¹. Дань в Терских погостах «он должен собирать в соответствии с записями в книгах [Писцовые книги. – и. М.]» и затем «послать терскую дань назад, к Varsuge реке». Таким образом, мы видим, что дань, собранная с Терских погостов на райде (оленьем обозе), состоящей из пятнадцати оленей, доставлялась в Варзугу. Разоренное в начале XV века «Варзужское городище», где собиралась дань с давних времен, как показали археологические исследования, больше не восстанавливалось. Потому всю привезенную дань теперь собирали где-то непосредственно в селе Варзужского погоста.

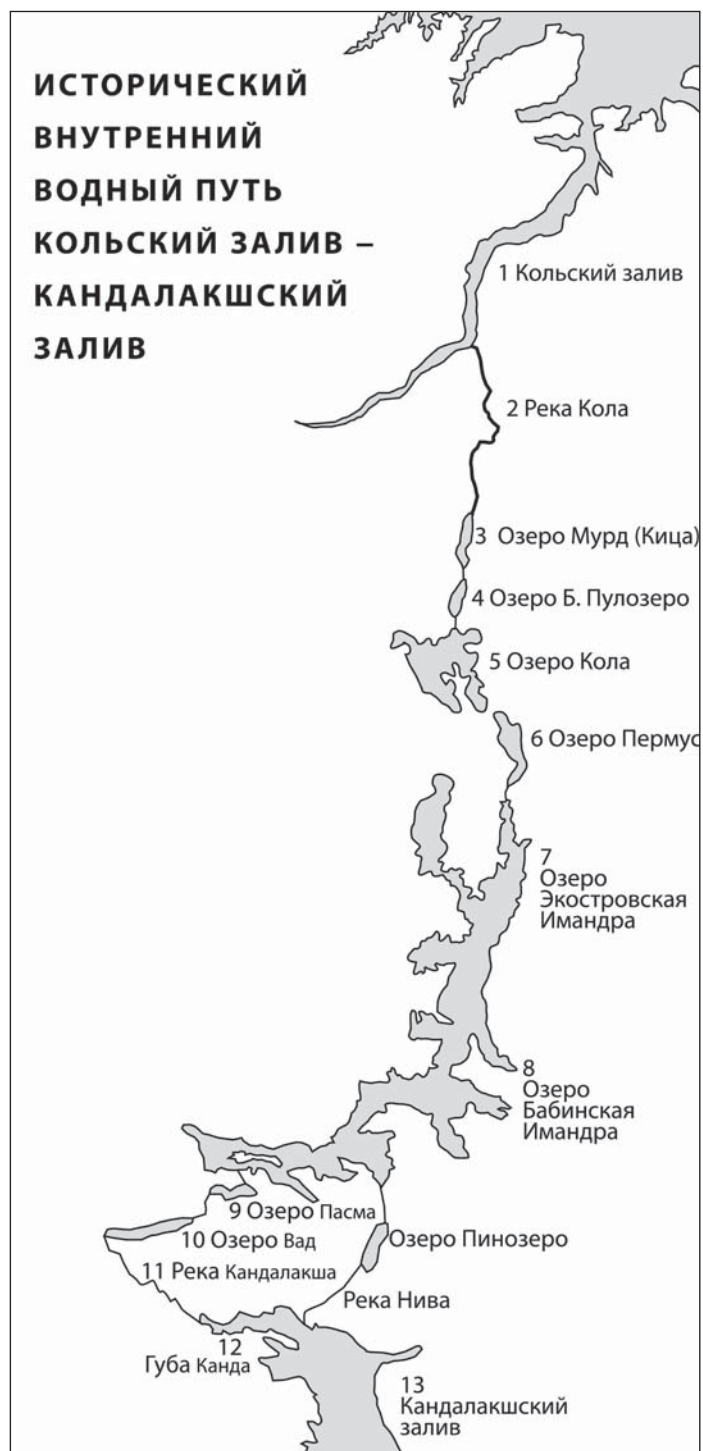
После этого данщикам предписывалось «ехать в Lofosser [Ловозерский погост. – и. М.], в Колу [ошибка редактора – в Ковду. – и. М.] и Vambo [в Умбу. – и. М.]». В этих погостах дань каждый должен также собирать в соответствии с книгами, «а из подарков должны они ему давать с погоста по 1 лисе или 21 белке»².

Интересно формулируется («с каждого дыма») и вопрос снабжения сборщиков съестными припасами: «А на пропитание давать им с каждого дыма по 10 сигов и по 1 щуке, а по скоромным дням должны они давать им вместо 10 сигов 1 окорок (половина задней части оленя)».

Сборщик дани с западной части Лапландии по окончании сбора дани с Норвежского конца прибывал в Колу (Мономас – Муномаш). Для того «чтобы везти казну» и «подняться по Коле-реке, [лопарь. – и. М.] должны снабдить его лодками и гребцами и рулевыми в достаточном для него количестве». Речь идет о продолжении пути известным водным внутренним маршрутом из Колы в Кандалакшу. На середине этого пути великий князь

¹ Из состава команды сопровождения «фогта» в документе упоминаются переводчик, повар, два помощника: «Сборщики не должны брать с собой больше людей, чем четверо на каждого».

² Грамоты великого князя Василия III. С. 130.

повелевает лопарям Ловозерского погоста присоединиться к сборщику с командой «и сопровождать его с моей казной до Кандалакши, на границу»¹.

Далее была уже задача мореплавателей: с Двинского устья прислать корабли за царской данью в Кандалакшу, зайдя на обратном пути в устье Варзуги за второй ее частью.

Несколько позже, в 1530 году, царь Василий III своей жалованной грамотой повелел утвердить точное время начала сбора податей с лопарей, дабы «посылать к ним подьячих к Благовещению дню для сбора дани и оброков. Грамота эта была подтверждена в 1539 и 1549 годах»² уже сыном Василия – царем Иоанном IV.

¹ Грамоты великого князя Василия III. С. 130.

² Собрание Государственных Грамот и Договоров. М., 1813–1828. Ч. 1–4. № 158. С. 436. Цит. по: Кеппен П. И. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861. С. 353.

Северное наследие князя Александра

В дальнейшем, также в русле «северной политики» святого Александра Невского и договора 1251 года, в 1326 году был подписан еще один необычайно важный для истории Крайнего Севера договор о мире, границе и торговле в Заволочье и Лапландии. Согласно «древним означениям и рубежам», северная граница между странами была определена в районе реки Паз. При этом так называемый общий Северный дистрикт – территория сбора дани с саамов – по-прежнему простирался от Белого моря до города Тромсе, занимая всю русскую Лапландию, шведский Лапмаркен и весь норвежский Финмарк.¹

Реалии, описываемые в «Разграничительной грамоте», как мы уже отмечали выше, абсолютно точно соответствуют ситуации, отраженной в договоре между Россией и Швецией, который был заключен в Ореховце в 1323 г.²

Договор 1326 года окончательно внес необходимые уточнения: «Русские взимают дань вдоль моря [берега нынешнего Баренцева и Норвежского морей. – *и. М.*] до Lungstuen [местечко в 45 км на восток от г. Тромсе. – *и. М.*], а на фиельдах [«полях», то есть на материке. – *и. М.*] вдоль Моеле-реки [сейчас река Муонизльвен. – *и. М.*], лежащей несколько выше³ Lungstuen, к востоку от Киелена [Kjolen – цепь горных хребтов вдоль побережья Норвегии к северу от Тронхейма. – *и. М.*]. Норвежский же король берет дань на востоке от начала Trjanema [Кольского полуострова. – *и. М.*] до Gandvik [Белого моря. – *и. М.*], там, где течет Vela-река [река Вяла (Væljoki) на Белом море (Vilgesáhpri), приток реки Умба. – *и. М.*]. Везде, где живут полукарелы или полуфинны [полусаамы. – *и. М.*], происходящие от финской матери». ⁴ «Таковы границы между владениями конунга Норвегии и конунга руссов»⁵.

¹ Об этих рубежах см.: Norges gamle Love III. Christiania, 1849. S. 152–53; Sverges traktater. I. Stockholm, 1877. S. 506–507.

² «Документ ... является частью первого договора между Новгородом и Норвегией, заключенного в 1251 г.». Янин В. А. Новгородские акты XII–XV вв. М., 1991. С. 82.

³ Интересно, что в те времена восприятие направления движения было противоположным нынешнему: к югу – это вверх («на Русь»), на север – это вниз («в Норвегу»). Возможно, это восприятие попросту соответствовало направлению течения северных рек.

⁴ Norges gamle Love III. Christiania, 1849. S. 152–53; Sverges traktater. I. Stockholm, 1877. S. 506–507 (перевод – Кааран А. К.).

⁵ Из «Разграничительной грамоты» 1326 года. См. Шаскольский И. П. Русско-норвежский договор 1326 года // Скандинавский сб. Таллин: Ээсти Раамат, 1970. Т. 15. С. 69.

Текст договора 1326 года между Новгородом и Норвегией. Из сборника: Norges gamle Love III. Christiania, 1849. S. 152–53; Svergestraktater. I. Stockholm, 1877. S. 506–507.

Þessir enda merktu eru millum Noregs konunghs ríðis ok Rúða konunghs eptir þui sem gamler menn hafa sagt ok en fereghia þj dagh gamler bumen ok zinnar. [Eigha Rúður at tafa stat med fio til Ly(n)ghespuuu. en aa zialle till Mælaar ok ligger hon beinla [upp az Lynghespuuu ok austr mote fili. En konunghr az Noreghe [tatar statta austr till Trjanema ok in eptir Gandvik till Veleaga hvar sem halzarelal eda halzinnur ero þeir sem zinzla modor hafa aat. tetsst ok ei meira j þeim æðla endamerktum en .v. graffin az huorium bogha ok þa eptir zyrnd er þeir vilia eptir [zyrmd gera.

Упомянутые «полукарелы или полуфинны» – следствие специфики торговых контактов корелов и лопарей в условиях перманентных столкновений и конфликтов тех времен. Необходимое «торговое перемирие» сопровождалось обменом заложниками, а также приходом саамских женщин в стан к корельским купцам с целью забеременеть¹: «Таким образом, с помощью обычая гостеприимного гетеризма саамы обновляли свой генофонд»².

«Судя по этому сообщению “Разграничительной грамоты”, первоначальное торгово-промысловое проникновение корелы в Беломорье, предшествовавшее заселению его “пятью родами корельских детей” (известных по актам XV в.), следует относить ко времени не позднее начала XIII столетия»³. Упомянутые пять родов – это «курольцы, ровкольцы, вы-

Русские саамы. Женщины-лопарки на рисунке XVII века. Из книги: Lilienskiolds Speculum boreale // Finnmarkomkring 1700: Nordnorske samlinger utgitt av Etno grafisk museum. Bd. IV. 2–4 hefte. Forstebind. Oslo 1942–1943. Annenbind. Oslo, 1943.

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней / Науч. ред. Корблев Н. А., Макуров В. Г., Савватеев Ю. А., Шумилов М. И. Петрозаводск, 2001. С. 63–64.

² Жуков А. Саамы в XIII–XVII вв. (публикация источников и комментарий) // Антропологический форум. СПб., 2004. № 1. С. 298–322.

³ Кочуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н. Письменные известия о карелах (X–XVI вв). Петрозаводск, 1996.

мольцы, тиврульцы и валдолейцы, или наволоч-род»¹. Изначально именно эти «пять родов корельских детей» и владели всей Карелией от Каяно-моря (Ботнического залива) до Гандвика (Белого моря), а позже и южным побережьем Кольского полуострова (Терским берегом). Им принадлежали промысловые угодья, сельскохозяйственные земли, празга (право откупа, аренды) и право торговать с лопарями. С приходом новгородцев, как мы видим из летописных свидетельств, ситуация с «владением отчинами родов Корельских» стала значительно меняться².

Центрами сбора дани с населения Великой Лапландии для ее дальнейшей отправки на Большую землю со времен Александра Невского были определены поселения Варзуга и район нынешней Кандалакши (в устье речки Кандалакши, залива Канда). Первая отвечала за дань с корелы и лопарей Кольского полуострова, вторая – с земель на запад от Кольского залива и в Финмаркене. Изначально формировать и сопровождать обозы с собранной данью, обеспечивая их безопасность, входило в обязанность «детей корельских», за что им назначалась «празга», то есть процент от собранной дани. «В Лапландии не было бояр, а страной управляли сборщики податей»³.

С падением новгородской самостоятельности, как мы показали ранее, великие князья Московские оставили древнюю схему сбора дани без изменений⁴. Особая статья дохода – право владения местами торгова, исторически сложившимися на границах лопарских территорий, – долгое время составляла одну из важнейших привилегий корелов. Постепенно, с заселением земель Терского берега новгородцами, с появлением монастырей, эти торговые места («торговые козицы») переходили в ведение новых владельцев. «Се даст Полага Шаншина в дом Святого Спаса <...> на Лопи **торговую козицу** игумену и всим старцам Соловецким» (1484); «Се даст Нестер Иванович на Лопи **торговую козицу** в дом святому Спасу» (1479). Странное для этих мест слово «козица», оставшееся в употреблении, – одно из

¹ Макарий (Миролюбов), епископ. Христианство в пределах Архангельской епархии // ЧОИДР. 1878. С. 52.

² Корельские роды прочно обосновались даже на самых крайних рубежах Кольского края. В описи 1608 года на западном берегу полуострова Рыбачий существовало становище Тиврульское. Козмин К. Исторический обзор Мурманского берега // Изв. Арханг. О-ва изучения Русского севера. 1915. № 1. С. 2.

³ Филиппов А. М. Русские в Лапландии в XVI веке. Сообщение Симона ван Салингена // Литературный вестник. СПб., 1901. Т. 1. Кн. 3. С. 305.

⁴ См.: Kirkinen H. Karjala Taistelukenttänä. Karjala idän ja lännen välissä. II. Helsinki, 1976. P. 70.

свидетельств пребывания на Кольском полуострове жителей Биармии, так как на пермяцком языке «Közičja – торба для торговли, козица»¹.

В XIV веке русское поморское население продвигается еще дальше на восток Терского берега, осваивая новые тоневые участки², и вскоре восточной границей саамского этноса на Беломорском побережье становится новый «лопский рубеж» проходящий по реке Пялице. «Речка Пялица, а в ней заборишко, половину тое речки ведают Варзужаня, а другую половину тое речки ведают Терские лопари, то им межа»³.

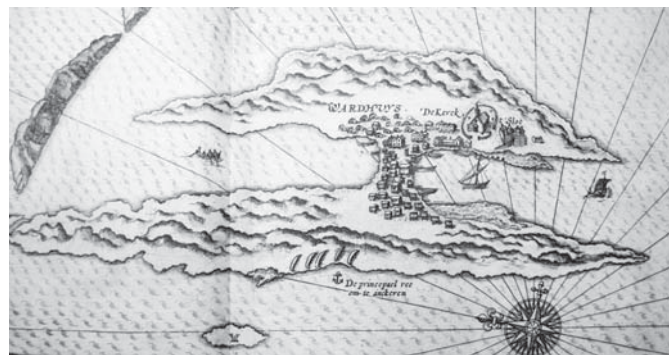
Уже в 1469 году новгородские владения, «по морскому берегу рыбные ловища, земли, и воду, и пожни, и лешей лес» Терского берега «посадницей Марфой» отписываются Соловецкому монастырю. Марфа Борецкая жертвовала «игумену Зосиме и священникам и старцем» промысловые угодья «от Умские межи [граница владений между Умбой и Варзугой проходила по реке Оленица. – и. М.], от Кашкаранского Ручья [речка, не доезжая 3 км

¹ Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь, составленный Николаем Роговым. СПб., 1869.

² Тоневой участок, тоня – место рыбного промысла, участок, на котором стояла жилая изба с амбаром и иными необходимыми постройками для длительного проживания при сезонном лове рыбы.

³ Сотная из писцовых книг Василия Агалина и подьячего Степана Федорова на Варзужскую волость // Сб. материалов по истории Кольского полуострова / Текст подг. А. И. Андреев. Л., 1930. С. 37.

«Замок Варгав» на гравюре с карты Я. Х. ван Линсхотена 1595 года. В 1307 году на западном берегу Варангер-фьорда, была построена и всячески укреплялась крепость Вардехус (Vardohus – «дружинный дом»).

до Кашкаранцев. – и. М.] и до Красная Щелейки¹ [граница между владениями Варзуги и терскими лопарями на востоке. – и. М.]»².

Статус общей территории сбора дани в Финмарке (Северный дистрикт) сохранялся в течение 350 лет. В 1602 году, вследствие ослабления русского государства в Смутное время, возник прецедент – датский король приказал не пропускать русских данщиков в «Норвежский конец» за Печенгу и Паз-реку. Ответными мерами на столь недружественный выпад стал запрет кольского воеводы Федора Хлопова на пропуск датских (норвежских) фогтов за данью на Мурман, куда они ходили до «Умбской межи». Однако датский король Кристиан IV своего указа не отменил, и началась активная дипломатическая война.

С конца XVI века Дания затевает переговоры с целью принудить Россию к окончательному разделу упомянутой общей территории, дабы провести государственную границу в районе города Колы (!). «Московские цари отняли у Дании Лапландию, – так оценивает ситуацию король Кристиан IV в своей грамоте царю Михаилу Федоровичу, и напоминает: – в Смутное время Дания могла отобрать Лапландию у России силою»³. Однако препятствием тому оставались наши церкви, стоящие в районе Варангер-фьорда, и, конечно, Печенгский монастырь. «Царь дивится тому, что король требует разграничения, – пишет в ответной грамоте Михаил Федорович, – замок Варгав стоит на русской земле, свидетельством тому служит церковь Бориса и Глеба, построенная в той местности». Однако датчане продолжают все-

мерно укреплять свою крепость Вардегуз на полуострове Варангер. В последующие годы претензии Дании не ослабевают и, как ни странно, становятся даже масштабнее: «необходимо потребовать удаления русских из Колы, Варзуги, Кандалакши и других мест в Лапландии, впрочем, за возведенные в Лапландии постройки король готов заплатить известную сумму»¹.

В таких взаимных удивлениях и претензиях проходили годы дипломатической переписки.

Временами русские цари теряли терпение, забывая про европейский дипломатический политес. Так, в 1603 году царь Борис Федорович, выведенный из себя этой дипломатической казуистикой, отрезал: «Лопарская земля – искони вечная вотчина Государей русских. Граница между Россией и Норвегией – река Ивгей [река Ivalojoeki впадает в озеро Инари. – и. М.]. Замок Варгав [нынешний город Вардэ. – и. М.] должен быть скрыт, так как поставлен на Царской земле. За Варгавом Царской вотчины больше 1000 верст! [если точно, то пятьсот. – и. М.]»².

Со временем эта ситуация породила интересную традицию обязательной, раз в год проводимой поездки норвежского чиновника (шульца) к Кольскому воеводе с целью заявить ему протест по поводу того, что он не пускает датских сборщиков дани в общий дистрикт взимать десятину с «подданных его королевского величества». Эти поездки в Колу, совершавшиеся в декабре месяце, начиная с 1614-го и до самого 1814 года, вошли в некий обычай со своими устоявшимися церемониями и ритуалами, «получив название: “Proetentionen til Malmis” – претензия на Колу»³.

В 1826 году демаркация российско-норвежской государственной границы была проведена окончательно – рубеж прошел по реке Паз. Вплоть до этого времени общий дистрикт, хотя и уже в весьма урезанном виде, по-прежнему продолжал существовать. С начала XVII века небольшая общая территория России и Норвегии, как некий исторический рудимент, сохранялась, ограничиваясь с запада заливом Варангер-фьорда, а с востока Сонгельским лопарским погостом.

¹ Щербачев Ю. Н. Датский архив. № 662.

² Щербачев Ю. Н. Датский архив. Материалы по истории Древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690 гг. М., 1893. № 533.

³ Кааран А. К истории Русского Севера: Русско-норвежские отношения // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1910. № 11. С. 27. Весь порядок и подробности этого действия см. Brock-Utne, Martha. Solberg i Finnmark omkring 1700: Aktstykker og oversikter, Hft. I: to jordeboeker fra 1694 // Nordnorske samlinger utgitt av Etnografisk Museum Universitet i Oslo. Oslo, 1932. Vol. I.

¹ «Красная Щелейка» – сегодня брошенная тоня при губе «Красная Щелья». Находится в 8 км на восток от селения Сосновка.

² Северные грамоты XV века // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 годы. Л., 1929. Т. XXXV. С. 129.

³ Щербачев Ю. Н. Датский архив. Материалы по истории Древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690 гг. М., 1893. С. 186. № 702.

Заключение

Св. благоверный князь Александр Невский – небесный покровитель земель Крайнего Севера.

Таким образом, как показала история Кольского Севера, Россия в XIII–XIV веках еще не могла удержать за собой всю обширную область Кольского Севера – Колоперми. Слишком раздробленной была Русь, не было единого властного центра, центростремительной силы, способной собрать воедино Российскую державу. Князь Александр Невский, опираясь на силу стоящей за ним Орды, сделал решительный шаг в этом направлении. Земли волости Тре были освобождены от биармийцев (заполярной чуди), лопарские по-

госты Кольского полуострова стали даньщиками Новгородской Руси. Область Nordfield (Финмаркен) была переименована в новгородскую волость Колоперемь и союзная Новгороду корела активно утверждала приоритет русской власти на этих северных берегах. Но, увы, жизнь князя оказалась весьма недолгой – всего 42 года отвел Господь пожить ему на этой земле. Да и само Ордынское царство, раздираемое распрями и противоречиями, не могло служить надежным основанием и гарантом для столь великого дела – централизации государственной власти в стране, так необходимой для дальнейшего прирастания Руси новыми землями.

Лишь в шестнадцатом веке, при великих князьях и царях Московских, ценой огромных усилий, через кровь и разорения монастырей и селений, земли Великой Лапландии отошли к Российской державе. Великое деяние благоверного князя Александра Невского не пропало втуне – князья и цари Московские навечно закрепили за Россией древние «новгородские волости Колопермь и Тре», ставшие впоследствии русским Кольским Севером, а ныне Мурманской областью Российской Федерации.

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И КОЛЬСКИЙ СЕВЕР	5
НОВГОРОДСКАЯ РЕСПУБЛИКА И КРАЙНИЙ СЕВЕР	9
ДРЕВНЯЯ ТРАДИЦИЯ ДРУЖБЫ	14
«НОВАЯ ДЕРЖАВА ...»	16
ПЕРЕДЕЛ 1251 ГОДА	21
БИАРМИЯ В ДРЕВНОСТИ	28
БИАРМИЯ В IX ВЕКЕ	33
БИАРМИЯ ДО ПРИХОДА КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА	40
АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ – ПОКОРИТЕЛЬ БИАРМИИ.....	43
КОЛОПЕРМЬ	45
ДОГОВОР С НОРВЕГИЕЙ И РАЗДЕЛ ЗЕМЕЛЬ.....	48
СИСТЕМА СБОРА ДАНИ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА	53
МОСКОВСКИЕ ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ И СБОР ДАНИ	59
СЕВЕРНОЕ НАСЛЕДИЕ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА	64
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	70

КОЛЬСКИЙ ПАТЕРИК. КНИГА IV

Игумен Митрофан (Баданин)

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И КОЛЬСКИЙ СЕВЕР

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИТИЯ

Редактор и корректор
Екатерина Соколова

Обложка
Ольга Колчина

Художественное оформление и верстка
Ольга Марусова

Подписано в печать 25.05.2013. Формат 70х100/16. Печ. л. 4,5
Тираж 2000 экз. Заказ №

Издательство «ЛАДАН»
Санкт-Петербург, ул. Достоевского, 44
Тел. (812) 334-13-60
www.LadanSPb.ru (книга-почтой)
Ladan_SPb@mail.ru
Оптовый склад:
Санкт-Петербург, ул. Белоусова, д. 6
(м. «Кировский завод»)
Тел. (812) 785 20 04

Заказать и приобрести книгу можно:
- на сайте издательства www.LadanSPb.ru
- по телефону (911) 819 66 12
- прислав заявку по адресу: Санкт-Петербург, 196105, а/я 93
или Ladan.SPb@mail.ru
- в книжной лавке издательства по адресу
СПб, В.О., ул. Камская, д. 9
(справа от входа на Смоленское кладбище)
Время работы: ежедневно с 10 до 19

Отпечатано в типографии «Моби Дик»
www.MobyPrint.ru